

АЯКСЪ—ГЕРОЙ ГРЕЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ.

(Окончаніе.)

Типъ Аякса—героя вполне опредѣлился въ эпической поэзіи Гомеровской эпохи; онъ явился въ полномъ очертаніи своего характера; все особенности его героизма пластически опредѣлились и обрисовались въ немъ, и къ позднѣйшему поколѣнію перешелъ онъ какъ опредѣленный, окончательно сложившійся образъ. Потому-то позднѣйшая поэзія цикликовъ не прибавила и не могла прибавить ни одной черты къ его характеру. Циклическая поэзія занималась, какъ извѣстно, больше внѣшнею стороною въ обрисовкѣ героевъ, повѣствовала объ ихъ приключеніяхъ, ставила ихъ въ извѣстное положеніе къ внѣшнимъ событіямъ; въ ней излагаются послѣдніе подвиги гомеровскихъ героевъ, заканчивающіе ихъ дѣятельность. Это послѣднее столкновеніе и судьба героевъ, правда, сходны съ внутренними чертами ихъ и отбѣняютъ ихъ характеръ; но главное уже здѣсь не внутреннее раскрытіе характера самого героя, не переворотъ, совершившійся въ немъ самомъ, но величіе, сила, поразительность самаго внѣшняго обстоятельства; слѣдуя пока приему эпической поэзіи—разсказу, внѣшнему, пластическому изображенію, и въ то же время имѣя дѣло съ опредѣлившимися вполне героическими характерами, циклики

естественный недостатокъ внутренней живой силы старались вознаградить поразительной обстановкой героическихъ характеровъ, необыкновенностью, чудовищностью послѣднихъ событій ихъ жизни. Такъ поступлено, какъ видѣли мы, и въ разсказѣ о послѣдней судьбѣ Аякса. Мы ничего не знаемъ о внутреннемъ состояніи самого Аякса; до насъ дошло извѣстіе о его чудовищномъ предпріятіи, за которымъ наконецъ слѣдуетъ его смерть.

Все главное въ поэзіи времени послѣ Гомеровской эпохи была обстановка, приключенія героя; и чѣмъ величавѣе и поразительнѣе были они, тѣмъ обильнѣйшимъ матеріаломъ могли они послужить для дальнѣйшаго развитія поэзіи. Оттого-то мы видимъ, что драма греческая въ большей части своихъ произведеній обращалась къ сказаніямъ цикликовъ и здѣсь брала предметы для своихъ величественныхъ созданій. Поразительнымъ, но совершенно внѣшнимъ описаніямъ судьбы героевъ она давала смыслъ, жизнь, раскрывала психическую сторону самихъ героевъ и вводила эти послѣднія событія въ жизненную связь съ ними, показывала намъ самую душу героевъ въ послѣдней степени ихъ развитія, такъ что предъ нами является самъ герой съ своими порывами, стремленіями, страстями въ послѣднюю минуту своей жизни; мы видимъ, какъ относится онъ къ этимъ обстоятельствамъ и съ какими чувствами, мыслями уходитъ изъ среды людей. И личность героя-Аякса получила послѣднюю форму своего развитія въ драмѣ Софокловой—Аякса. Тутъ встаетъ онъ предъ нами въ полномъ очертаніи своей величавой, благородной, но вмѣстѣ грозной и страшной фигуры въ послѣднія минуты жизни.

Намъ извѣстно уже, какъ изображается послѣдняя судьба Аякса у цикликовъ, извѣстны и тѣ легкіе оттѣнки и различія въ направленіи, которые видны въ ихъ изображеніи. Въ драмѣ Софокловой представляется въ нѣсколько иномъ свѣтѣ послѣдняя судьба Аякса. Въ судѣ объ оружіяхъ Ахиллеса, по ея изображенію, не принимаетъ никакого участія Аѳина, напротивъ, все приписывается здѣсь сынамъ Атрея и въ особенности Менелаю. Вслѣдствіе ка-

кой-то непонятной вражды и недоброжелательства къ Аяксу (черты и измѣненіе въ мнѣіи, какъ кажется, зависѣли отъ современной и давнишней вражды Аѣинъ къ Спартѣ, царемъ которой былъ Менелай), Менелай не только во время суда старается склонить большинство судей на сторону Одиссея, но даже послѣ подачи голосовъ и во время разсмотрѣнія ихъ количества онъ утаиваетъ, скрадываетъ нѣсколько голосовъ, поданныхъ въ пользу Аякса, и вслѣдствіе такого коварства большинство оказывается на сторонѣ Одиссея. Такимъ образомъ Аяксъ является униженнымъ вслѣдствіе явной несправедливости судей или коварства Менелая. Такое явное нарушеніе справедливости, намѣренное и незаконное униженіе его достоинства, презрѣніе его заслугъ въ высшей степени раздражаетъ честнаго и вполне сознающаго свое превосходство Аякса. Аяксъ рѣшается страшно отмстить врагамъ. Мщеніе его было вполне справедливо и законно, но въ своемъ проявленіи оно было ужасно, переходило предѣлы законности. Здѣсь-то — въ самомъ мщеніи, послужившемъ къ униженію Аякса, въ драмѣ Софокла все почти приписывается дѣйствию божества—Аѣины. Не отклоняя его намѣреніе мстить, она помрачаетъ его умъ; Аяксъ обращается противъ стада греческихъ, думая, что онъ убиваетъ своихъ враговъ; затѣмъ, узнавши свою ошибку, онъ сильно горюетъ о своемъ униженіи и наконецъ самъ бросается на свой мечъ.

Драма Софоклова касается всего сказанія о послѣдней участи Аякса, она даже упоминаетъ и о тѣхъ заслугахъ, которыя оказалъ онъ подъ Трою Греческому войску; въ продолженіе всей драмы—тотъ же величественный характеръ, который изображенъ въ Иліадѣ; даже больше: Аяксъ представляется здѣсь главнѣйшимъ изъ греческихъ героевъ; но собственно ея предметъ—паденіе героя и его возстановленіе въ прежнемъ величіи, только еще въ болѣе полномъ и совершенномъ видѣ.

Софоклъ изображаетъ фактъ уже совершившимся. Въ страшной ненависти за несправедливое униженіе, Аяксъ въ безумной ярости, насланной на него Аѣипой, уже истребилъ стада греческія. Эту-то послѣднюю сторону въ

судьбѣ Аякса, состояніе Греческаго войска, состояніе самого Аякса и избралъ Софокль предметомъ для своей драмы.

Вѣсть о страшномъ и непонятномъ несчастіи—истребленіе стада поражаетъ Грековъ; всѣ въ недоумѣніи, въ ужасной неизвѣстности о случившемся событіи. Надлежало разузнать дѣло, розыскать, кто виновникъ такого событія и что за причины, побудившія къ такому безумному дѣйствію. У всѣхъ рождается подозрѣніе, не сдѣлалъ ли это Аяксъ, потому что при его только силѣ можно сдѣлать это; кто-то изъ греческаго войска дѣйствительно видѣлъ его скачущимъ по полямъ, гдѣ паслись стада, съ окровавленнымъ мечомъ; но нужно было вполнѣ разузнать дѣло, и Одиссей, разумнѣйшій и хитрѣйшій изъ всѣхъ Грековъ, самъ рѣшается выслѣдить и разузнать все дѣло. Этимъ начинается прологъ, или какъ бы приготовленіе къ драмѣ, въ которомъ поэтъ знакомитъ съ фактомъ, представляющимъ героя въ трагическое положеніе.

Начало драмы или прологъ открывается разговоромъ между богинею Аѳиною, покровительницею и руководительницею Одиссея, и самимъ Одиссеемъ. Одиссей слышитъ голосъ любимый имъ и покровительствующей ему богини, голосъ, похваляющій его за предусмотрительность и хитрость, съ какою онъ всегда какъ и въ настоящемъ случаѣ старается вывѣдать о дѣлѣ, столь важномъ для всего стана греческаго. Онъ рассказываетъ богинѣ постигшее ихъ несчастіе, странность, непонятность его и проситъ, чтобы она, все знающая, уяснила для нихъ это непонятное явленіе, вразумила ихъ, сдѣлалъ ли это дѣйствительно Аяксъ и по какому поводу. Богиня говоритъ ему, что это дѣйствительно дѣло Аякса, что онъ, раздраженный тѣмъ, что не получилъ оружія Ахиллеса, рѣшился ночью побить Атридовъ, его—самого Одиссея и Греческое войско и достигъ уже палатки военачальниковъ, но она сама, предупреждая такое великое несчастіе, ослѣпила глаза его, омрачила его умъ и устремила на греческія стада. Бѣшеное сѣумасшествіе Аякса еще не прошло. Принесши въ палатку нѣсколько лучшихъ барановъ въ томъ убѣжденіи, что это Атриды и Одиссей, онъ

продолжаетъ терзать ихъ; Аѣина предлагаетъ Одиссею по-смотреть теперь на своего врага и посмѣяться надъ его безуміемъ и униженіемъ. На Одиссея этотъ разсказъ производитъ совсѣмъ не то дѣйствіе, какъ можно бы ожидать. Несчастіе врага нисколько не радуетъ его, напротивъ, онъ ужасается его теперешняго положенія и проситъ Аѣину не вызывать его къ нему. Послѣ усиленной настойчивости Аѣины, онъ противъ воли покоряется ея желанію, но съ своей стороны высказываетъ, что для него лучше бы не видѣть Аякса. Наконецъ по голосу Аѣины, является изъ своей палатки самъ Аяксъ, съ безумными глазами, въ крови животныхъ, которыхъ мучилъ онъ, съ бичемъ въ рукахъ. Его прежнее безумное бѣшенство въ полной силѣ. Онъ все еще убѣжденъ, что отмстилъ своимъ врагамъ и потому обращается къ Аѣинѣ съ выраженіемъ полной, глубокой благодарности за помощь ея въ отмщеніи врагамъ. «Привѣтъ тебѣ, Аѣина, Зевсова дочь! ты во-время явилась помощницей мнѣ; въ благодарность за такую добычу я украшу тебя золотыми вѣнками.»—Аѣина. Хорошо сказалъ ты; но скажи мнѣ, довольно ли ты поточилъ свой мечъ о войско аргивянъ?—Аяк. Есть чѣмъ похвалиться, сказать правду.—Аѣ. И Атриды извѣдали твою руку?—Аяк. Никогда теперь уже не нанесутъ они мнѣ безчестія.—Аѣ. Они умерли, какъ я понимаю тебя.—Аяк. Да, мертвыя, они уже не отнимутъ у меня оружія.—Аѣ. Но что же случилось съ сыномъ Лаërта? Или онъ ушелъ отъ тебя?—Аяк. Объ этой проклятой лисицѣ ты спрашиваешь у меня? Аѣ. Да, объ Одиссеѣ, твоемъ соперникѣ. Аяк. Этотъ самый желанный мной плѣнникъ лежитъ у меня въ палаткѣ. Мнѣ еще не желательна его смерть.—Аѣ. Что же прежде хочешь ты сдѣлать съ нимъ, или какой пользы для себя добьешься отъ него? Аяк. Прежде я привѣшу его къ столбу кровли.—Аѣ. Какое же зло онъ, несчастный, сдѣлалъ тебѣ?—Аяк. И истекая кровью, онъ умретъ подъ ударами моего бича.—Аѣ. Не мучь такъ его, несчастнаго.—Аяк. Во всемъ прочемъ, Аѣина, я повинуюсь тебѣ; но для него именно эта, а не другая казнь (91—113).» И за тѣмъ Аяксъ уходитъ

къ своему дѣлу — расправляться съ врагами, попавшими въ его руки. Софокль, какъ видимъ, не щадитъ своего героя. Не смотря на то, что Аяксъ вошелъ уже въ общественную религію греческую, Софокль не измѣняетъ нисколько того положенія Аякса, въ какомъ онъ представленъ въ мифѣ. Напротивъ, онъ еще рельефнѣе представляетъ то униженіе, въ какое палъ великій герой. Сцена безумнаго состоянія Аякса коротка, представлена какъ бы мимоходомъ, но она вполне характеристична и выражаетъ во всей силѣ и глубинѣ ту бѣшеную ярость, до которой дошелъ Аяксъ. Онъ палъ глубоко, до крайняго и совершеннаго безчестія для своего героизма. Этотъ прежде великій герой, являвшійся предъ другихъ людей и героевъ съ своимъ щитомъ, огромнымъ какъ башня, показывавшійся преимущественно на полѣ ратномъ, гдѣ онъ разрывалъ ряды враговъ, гналъ предъ собой цѣлыя толпы непріятелей, или сдерживалъ натиски всего вражьяго стана, предстаётъ теперь окровавленнымъ отъ казни своихъ мнимыхъ враговъ, съ плетью въ рукѣ, хлещущей по воздуху, съ ножомъ, подобно низкому пастуху или мяснику, рѣжущему животныхъ. Такой неожиданный и рѣшительный контрастъ былъ поразителенъ для всѣхъ и особенно, какъ увидимъ, онъ былъ мучителенъ для самого героя. Но при этомъ Аяксъ былъ въ полномъ безуміи; онъ считалъ, что онъ мститъ врагамъ, что въ рукахъ у него тѣ, которые оскорбили и унизили его. Такой переворотъ въ поведеніи Аякса произвело, какъ мы знаемъ, божество Аѣины. Чѣмъ же Аяксъ заслужилъ такой гнѣвъ Аѣины, этой покровительницы всѣхъ героевъ греческихъ? Что особеннаго сдѣлалъ онъ, за что подвергся такому крайнему униженію? Аяксъ былъ дѣйствительно оскорбленъ несправедливостію суда Атревъ. Онъ могъ и долженъ былъ мстить имъ, ибо мщеніе въ то время было священнымъ долгомъ. И не мщеніе — собственно могло возбудить противъ него гнѣвъ Аѣины, но то состояніе духа, расположеніе, съ какимъ онъ хотѣлъ отмстить врагамъ. Аѣина въ разговорѣ съ Одиссеемъ пе-

редаетъ ему, что она омрачила глаза и обратила руку Аякса противъ стада затымъ, чтобы удержать его отъ радости, удовольствія, которое могло бы доставить ему это мщеніе, соединенное съ ужасными, невознаградившими потерями. Другія мѣста драмы даютъ намъ возможность лучше всмотрѣться въ характеръ Аякса и въ этомъ мщеніи подмѣтить черту, несомнѣстимую съ истиннымъ героизмомъ, оскорбительную для божества. Калхасъ, пророкъ, такъ объяснялъ Тевкру недовольство Аѣины на Аякса: «Аяксъ, отправляясь изъ дому, оказался безумнымъ въ то время, какъ отецъ его давалъ ему мудрые совѣты. Отецъ такъ обращался къ нему: старайся побѣждать врага оружіемъ, но всегда съ помощію божіею. Но онъ съ неразумнымъ самохвальствомъ отвѣчалъ ему: отецъ мой! съ помощію божества и человѣкъ неразумный можетъ пріобрѣсти побѣду; я же и безъ помощи боговъ могу получить славу.... Потомъ въ другой разъ, когда божественная Аѣина воодушевляя его убѣждала обратить противъ враговъ свою страшную руку, онъ обратился къ ней ужасныя и нечестивыя слова. «Царица! воодушевляй прочихъ Аргивянъ, но моихъ рядовъ никогда не разорвать врагу.» (763—775). Итакъ Аяксъ, обладая огромною силою, былъ слишкомъ самонадѣянъ. Его увѣренность доходила до того, что онъ считалъ даже бесполезнымъ, излишнимъ для себя присутствіе и помощь божества, думалъ, что онъ можетъ обойтись и безъ его помощи. Онъ слишкомъ поддавался пылу своей отваги, думалъ только о томъ, какъ бы устоять, одолѣть, и въ этомъ случаѣ не обращался за помощію къ божеству. Такая черта, при всей неустрашимости и силѣ Аякса, была уже недостаткомъ, слабостью, неразуміемъ. Нельзя сказать, чтобы Аяксъ совершенно отвергалъ необходимость для себя помощи божества; но все же самонадѣянность увлекала его иногда слишкомъ далеко и вызвала въ немъ рѣзкіе отвѣты въ родѣ приведенныхъ. Онъ забывалъ объ истинномъ смыслѣ и мѣрѣ своихъ силъ, «происходя отъ людей, онъ думалъ несообразно съ природой человѣка, а въ такомъ состояніи человѣкъ, при всей своей силѣ, ока-

зывается тяжелою и бесполезною массою, и такого-то боги поражаютъ тяжкимъ бѣдствіемъ» (758—761). Безъ сомнѣнія высшая степень самонадѣянности высказалась въ Аяксѣ и при мщеніи своимъ врагамъ за униженіе. Глубокое оскорбленіе Аякса, вслѣдствіе столь несправедливаго предпочтенія ему другаго, взволновало его душу, окончательно потемнило въ немъ его благоразуміе; его гордая и самонадѣянная натура и прежде въ порывѣ неудержимаго стремленія къ дѣлу раскрывалась вполне и устраняла внѣшнее посредство и вмѣшательство. Теперь потрясенный и взволнованный до глубины души, онъ тѣмъ менѣе могъ обратиться къ божеству съ жалобой на несправедливость. Гнѣвъ и мщеніе кипѣли въ груди его, и онъ рѣшилъ расправиться самъ съ своими оскорбителями. И притомъ не въ первомъ пылу негодованія схватывается онъ за мщеніе, какъ это сдѣлалъ бы Ахиллесъ, раздраженный Агамемнономъ, если бы не удержала его Аѣина; напротивъ, онъ холодно рассчитываетъ время, когда лучше приняться за дѣло, и принимается за него ночью, среди всеобщаго сна его враговъ и всего Греческаго войска. Цѣлый планъ мщенія уже созрѣлъ въ душѣ его, слѣдовательно онъ основывается на немъ самомъ, на его собственной силѣ, на его собственномъ самоуправствѣ съ врагами;—важно, что онъ не искалъ помощи, не ждалъ, чтобы кто-либо другой оказалъ свое содѣйствіе въ спасеніи его чести, въ избавленіи отъ того посрамленія, какое оказано его достоинству, его истинно геройскимъ заслугамъ. И притомъ по отношенію къ какимъ лицамъ является Аяксъ самоуправнымъ мстителемъ? Предводители войска, цари, представляющіе собой образъ высшаго распорядителя, самого Зевса на землѣ, дѣлаются предметомъ его необузданной мести. Споръ Аякса съ Одиссеемъ рѣшился на общемъ совѣтѣ Греческаго войска, представляющемъ самую высшую инстанцію правды, какая возможна между людьми. Но понятіямъ того времени Зевсъ управляетъ рѣшеніями высшихъ и общихъ совѣтовъ. Пусть такъ, что въ исходѣ общаго рѣшенія употреблены были Менелаемъ нѣкоторыя коварныя продѣлки, но все же са-

мая форма рѣшенія, этотъ всеобщій совѣтъ долженъ имѣть импонирующее вліяніе на судящихся и спорящихъ. Со-знающій несправедливость рѣшенія совѣта долженъ бы требовать пересмотра дѣла, или же, отдавъ все это волѣ высшаго существа, ждать его приговора. Правда, рано ли, поздно ли,—одержитъ верхъ надъ коварствомъ и ложью. Такъ Ахиллесъ въ гнѣвѣ на Агамемнона и Греческое войско за несправедливость ждалъ на своихъ корабляхъ и дождался полного удовлетворенія обиды. Аяксъ, какъ видимъ, поступаетъ совершенно обратно. Жгучее чувство оскорбленія закрываетъ въ немъ послѣдніе слѣды благо-разумія. Онъ помнитъ только о своихъ достоинствахъ и о своемъ безчестіи. Сознаніе своего собственнаго достоин-ства закрываетъ въ его глазахъ авторитетъ другихъ, да-же общій приговоръ всего войска для него теряетъ вся-кое значеніе. Онъ убѣжденъ уже напередъ, что судъ Гре-ковъ относительно его дѣла долженъ имѣть такой, а не другой исходъ, и когда не исполнились его ожиданія, онъ презрительно относится къ его священному авторитету, не думаетъ того, что, можетъ быть, само божество попу-стило такую несправедливость въ наказаніе ему за какіе либо его проступки—что, можетъ быть, такое рѣшеніе, не-справедливое въ его глазахъ, вообще и само по себѣ — полная и совершенная правда. Противъ Аякса высказа-лось все Греческое войско; ему значить не доискаться той справедливости, какой желалъ бы онъ. Итакъ ему остает-ся только или съ горестью покориться такому рѣшенію и глубже всмотрѣться въ самого себя, не виновенъ ли онъ самъ чѣмъ-нибудь въ такомъ исходѣ дѣла,—или по при-мѣру Ахиллеса, предать это дѣло на судъ божества и от-клониться отъ сообщества съ нечестивыми судьями. Аяксъ рѣшается принять на самаго себя ту роль мщенія, кото-рая принадлежитъ божеству,—избить военачальниковъ и все Греческое войско, и притомъ разсчитываетъ холодно, какъ лучше выполнить задуманный планъ. Здѣсь-то имѣ-ютъ весь свой смыслъ слова пророка Калхаса объ Аяксѣ, что «онъ происходя отъ природы человѣческой мыслить не по-человѣчески.»

Аяксъ въ глубокомъ чувствѣ оскорбленія и въ сознаніи своего достоинства и силы именно забылъ свою природу и принялъ на себя какъ бы права божества, онъ даже возстаетъ противъ священнаго авторитета судовъ, управляемыхъ божествомъ, и хочетъ стать самостоятельнымъ рѣшителемъ суда и карателемъ за неправду, высшимъ судьей и мстителемъ. Такой поворотъ въ мысляхъ и рѣшеніе Аякса есть уже безуміе. Своею рѣшимостію на задуманное имъ несправедливое дѣло онъ самъ уже помрачилъ умъ и становится униженнымъ и посрамленнымъ. Аѣина ничего новаго не производитъ съ нимъ; она только спасаетъ его отъ той несправедливости, на которую онъ въ ослѣпленіи рѣшился, и даетъ истинный, подлежащій исходъ его безумію. Она не стѣсняетъ его безумія и сумасбродной ярости, напротивъ, даетъ ей полный просторъ, но только устремляетъ ее на стада и избавляетъ отъ гибели Греческое войско.

Нельзя не обратить вниманія на самый тонъ рѣчи Аѣины съ обезумѣвшимъ Аяксомъ. Рѣчь эта приведена выше, и въ ней ясно высказываются злая иронія, сарказмъ надъ безумнымъ превозношеніемъ и самомнительностью человѣка. Божество какъ бы нисходитъ на ту степень, на которой стоитъ теперь Аяксъ, и смотритъ на дѣло какъ бы его глазами. Оно не упрекаетъ Аякса въ жестокости, несправедливости, не казнить его сознанія, не раскрываетъ ему глазъ, чтобы онъ понялъ всю ту бездну униженія и срама, въ какой находится онъ теперь. Напротивъ, оно удерживаетъ Аякса въ томъ самомъ состояніи безумія и съ злой насмѣшкой обращается къ нему: «хорошо ли ты наточилъ свой мечъ о войско Аргивянъ?» Аѣина—представительница высшей справедливости и разума; она является идеаломъ того совершенства, непогрѣчности, правды, къ которой долженъ стремиться герой, и, смотря на нее съ благоговѣніемъ, отражать ея лучи въ своихъ дѣйствіяхъ. Тамъ, въ небесной выси, царитъ она, наблюдаетъ за людьми и благодѣтельствуетъ имъ по мѣрѣ того, какъ они приближаются къ ней, развиваютъ и высказываютъ въ себѣ черты и качества, угодныя ей. По

существо своему она далека отъ людей, какъ божество благодарѣющее, но вмѣстѣ и карающее, и страшное. Аяксъ разгнѣвалъ ее, впалъ въ безуміе, является униженнымъ, павшимъ. При явленіи божества, при сопоставленіи обыкновеннаго человѣка въ положеніи Аякса съ небеснымъ существомъ, идеаломъ чистоты и справедливости, другой человѣкъ обыкновенный долженъ бы уничтожиться, исчезнуть; въ Аяксѣ еще довольно силы и достоинства; онъ самъ обладаетъ божественными совершенствами, онъ только увлекся ими и впалъ въ крайность, — и въ явленіи богини Аяксу, и въ разговорѣ ея съ нимъ открывается простое сличеніе прекраснаго съ безобразнымъ, считающимъ себя прекраснымъ, вслѣдствіе чего естественно и неминуемо является сарказмъ. Подобно тому, какъ всякій человѣкъ, дѣлающій вещь безумную въ полной увѣренности, что онъ поступаетъ разумно, честно и благородно, представляется для насъ въ смѣшномъ видѣ и по справедливости подвергается осмѣянію; въ такомъ точно положеніи находится и Аяксъ. Наказавши его за незаконное присвоеніе непрінадлежащихъ ему правъ, или лучше, давши такому безумію его естественный исходъ, Афина ставитъ себя въ прямое отношеніе къ Аяксу, вступаетъ съ нимъ въ бесѣду, и слѣдствіемъ естественнымъ и непремѣннымъ является иронія. Никакъ нельзя сказать, чтобы Афина злобно радовалась униженію великаго героя, считала такое положеніе его пріятнымъ для себя, выражала удовлетворенное чувство мести; сравненіе поступка Аякса съ божественною мудростію само по себѣ, вслѣдствіе внутренняго противорѣчія, взаимной несовмѣстимости совершенно отрицательнаго свойства перваго, представляетъ Аякса въ видѣ смѣшномъ, — это есть прямое и естественное слѣдствіе. По отношенію къ богинѣ, высшей мудрости и совершенству, Аяксъ въ настоящемъ положеніи представляется не только въ крайне унижительномъ видѣ, но и возбуждаетъ иронію богини. Но какое дѣйствіе производитъ оно на человѣка, слѣдующаго внушенію разума, на много-умнаго Одиссея? Сначала онъ былъ врагомъ Аякса, ненавидѣлъ его, чувствовалъ къ нему лич-

ную непріязнь и недовольство. Пока они оба были героями, стояли на одной ступени достоинства, Одиссей могъ считать его ненавистнымъ для себя, какъ опаснаго и достойнаго совмѣстника. Ненависть эта могла быть естественною и закононою вслѣдствіе того, что герои эти далеко не подходили одинъ къ другому, стремились къ одной цѣли противоположными путями, одарены были совершенно несходными качествами. Одинъ полагался на свой гигантскій ростъ и необыкновенную силу, и надѣялся получить преимущество; другой, напротивъ, дѣйствовалъ по уму, разсчету, хитрости и опытности. Оба они были велики въ своей сферѣ и одинъ другому стояли на дорогѣ къ первенству. При столкновеніи ихъ въ одномъ общемъ интересѣ, по случаю спора объ оружіи Ахиллеса, только чувство вражды и ненависти могло воспламенить ихъ одного противъ другаго. Но вотъ Аѳина показываетъ Одиссею врага его обезумѣвшаго и облитаго кровью мнимыхъ враговъ. Аяксъ радуется, что удалось ему отплатить врагамъ за униженіе, изобрѣтаетъ самую страшную, мучительную смерть своему врагу Одиссею. Безумно-бѣшеный Аяксъ сначала возбуждаетъ въ немъ ужасъ, такъ что Одиссей сначала отказывается видѣть его, потомъ въ душу его проникаетъ жалость, состраданіе.

Одиссей не радуется бѣдствію врага своего, онъ скорбитъ, жалѣетъ объ немъ. Въ этомъ случаѣ вполне высказывается хитроумный, благородный Одиссей. Гибели врага радоваться естественно, особенно когда онъ въ нашихъ рукахъ, когда мы побѣдили его; чувство побѣды раждаетъ въ насъ сознаніе превосходства нашихъ силъ, довольство нами самими. Но естественно ли чувство довольства при участи врага, постигнутаго злою судьбою, когда высшая неотвратимая сила гонитъ, преслѣдуетъ его, когда въ несчастіи врага, можетъ быть, превосходнѣйшаго чѣмъ мы, видны явные слѣды силы высшей, непобѣдимой? Въ этомъ случаѣ мы видимъ борьбу человѣческаго съ божественнымъ, кару свыше, неотвратимую и непобѣдимую, мы замѣчаемъ не борьбу, а неумолимый судъ, не склоняющійся ни предъ какимъ величіемъ, не жалѣю-

щій самага високаго совершенства. Такъ смотрѣлъ Одиссей на дѣло Аякса съ Аѳиной, и въ душѣ его вмѣсто прежней ненависти раждается состраданіе къ своему падшему, по великому врагу. Онъ видѣлъ предъ собой дѣйствіе силы, далеко превосходящей все человѣчество, которая судить поступки человѣка и воздастъ за нихъ. Силѣ этой неотвратимо подчиненъ и онъ самъ наравнѣ съ врагомъ, и его можетъ она постигнуть и казнить. Божественное и человѣческое—силы несоизмѣримыя; не мѣсто здѣсь сознанію превосходства, совершенства, не мѣсто разсуждать о своихъ дарованіяхъ, могуществѣ; предъ божествомъ все прочее—слабость, безсиліе, ничтожество; предъ лицомъ божества человѣкъ можетъ и долженъ чувствовать только благоговѣнное смиреніе, предъ божествомъ все человѣческое и низкое и высокое, и слабое и могучее—уравниваются. Весь предшествующій разговоръ Аѳины съ Одиссеемъ служить какъ бы испытаніемъ мудрости и добродѣтели Одиссея; Аѳина склоняла его къ насмѣшкамъ надъ павшимъ врагомъ. Одиссей чувствуетъ сначала благоговѣнный испугъ къ величію божества при вѣсти о паденіи великаго врага, потомъ проникается жалостью, состраданіемъ къ самому врагу. Аѳина одобряетъ его за такія чувства и еще болѣе развиваетъ и укрѣпляетъ ихъ въ немъ. «Ты видишь, Одиссей, говоритъ она ему по уходѣ Аякса, какова сила боговъ. Кто въ сравненіи съ нимъ предусмотрительнѣе и искуснѣе въ выборѣ благоприятнаго времени для дѣла?» Одиссей еще глубже проникается чувствомъ благоговѣнія къ божеству и сознаніемъ ничтожества предъ нимъ всего человѣческаго. «Никого не зналъ я», отвѣчаетъ онъ. «Я жалѣю объ немъ несчастномъ, хотя онъ и врагъ мой; тяжелое горе постигло его. Но при этомъ я раздумываю о своей собственной участи. Всѣ мы, живущіе, не что иное какъ призракъ, легкая тѣнь.» Одиссей смотрѣлъ на случай съ Аяксомъ какъ на урокъ для себя и всякаго человѣка, и Аѳина оканчиваетъ разговоръ съ нимъ слѣдующимъ общимъ наставленіемъ: «Итакъ, имѣя все это предъ глазами, будь остороженъ, чтобы не сказать какого-либо дерзкаго слова по отношенію къ богамъ; не превозносись,

если превосходишь кого силою или богатствомъ, потому что день возносить и низвергаетъ все человѣческое; боги любятъ скромныхъ и наказываютъ злыхъ (127—133).

Одиссей и Аяксъ совершенно противоположны по своимъ направленіямъ. Аяксъ ненавидитъ Одиссея и страшно мститъ ему въ своемъ безуміи, даже на просьбу самой богини онъ не склоняется. Одиссей является мягкимъ, послушнымъ волѣ боговъ, и за то былъ любимцемъ Аѳины; въ немъ изображены именно тѣ качества, которыхъ не доставало Аяксу для полного совершенства, вслѣдствіе чего онъ и палъ. Но Аяксъ герой—признанный народомъ, боготворимый народомъ, поэтому онъ долженъ возстать изъ своего паденія, явиться въ полномъ совершенствѣ. Онъ наказанъ, но это наказаніе должно быть вмѣстѣ и исправленіемъ. Онъ долженъ стать любимцемъ боговъ и развить въ себѣ тѣ качества, при которыхъ онъ можетъ сдѣлаться имъ. И вотъ это-то возстановленіе и составляетъ сущность драмы Софокла. Вмѣстѣ о несчастіи, безуміи, безчестіи Аякса приводитъ Саламиняны, подчиненныхъ ему, въ страшный испугъ и возбуждаетъ въ нихъ мрачную печаль. Они въ недоумѣніи, сами не знаютъ, вѣрить ли этому злему слуху. Быть можетъ, это клевета злобныхъ Данайцевъ, возмущающихъ все войско Греческое противъ ненавистнаго имъ Аякса; но если самъ Зевсъ или другое божество въ гнѣвѣ за какое-либо преступленіе наслало на Аякса безумную болѣзнь, омрачило его умъ? Всѣ эти мысли высказываютъ они въ прекрасной хоровой пѣснѣ. Они обращаются съ зовомъ къ Аяксу, чтобы онъ самъ разрѣшилъ ихъ недоумѣніе и успокоилъ ихъ. На зовъ ихъ выходитъ Текмесса, плѣнница и жена Аякса, и рассказываетъ имъ о безуміи Аякса. Здѣсь кстати обратимъ вниманіе на искусство Софокла въ расположеніи сцены. Саламиняне знали объ истребленіи стадъ греческихъ, они только навѣрное не знали и не могли согласиться съ слухомъ, чтобы виновникомъ этого былъ Аяксъ. Текмесса извѣщаетъ ихъ, что Аяксъ, дѣйствительно, въ полночь вышелъ изъ своей палатки и возвратился окровавленнымъ, съ баранами, которыхъ рвалъ и терзалъ, обращаясь къ

нимъ, какъ бы къ людямъ, безчестя и понося ихъ; сама узнаеть отъ нихъ, что это онъ расправлялся такъ съ стадами греческими. Саламинцы въ ужасѣ и страхѣ о своемъ положеніи; они опасаются, не есть ли этотъ случай съ Аяксомъ кара бога.

Но что же Аяксъ? Мы уже видѣли, какое страшное мщеніе пыдало въ груди Аякса къ врагамъ, какъ онъ въ безумномъ ослѣпленіи радовался ихъ мнимой участи и придумывалъ для нихъ самыя страшныя и безчестныя муки. Что же онъ долженъ былъ испытать, когда пришедши въ себя, онъ вмѣсто враговъ своихъ увидѣлъ кругомъ себя разорванные трупы животныхъ? Ужасъ, досада, горькое сожалѣніе о своей ошибкѣ еще въ болѣеишей степени, чѣмъ прежде мщеніе, должны были взволновать и потрясти его. Вся сила напряженности его духа, его энергія, пылъ, ярость, обращенные на врага, теперь пали на него самого. О первыхъ припадкахъ досады и негодованія на самого себя мы знаемъ изъ разсказа Текмессы. «Когда онъ мало-по-малу пришелъ въ себя и увидѣлъ, что его палатка полна убитыхъ животныхъ, ударившись головой, онъ завопилъ и бросился на землю среди труповъ, рвя волосы на себѣ. Долго сидѣлъ онъ безмолвно; затѣмъ обратился ко мнѣ съ страшною угрозою, если я не объясню ему случившагося несчастія, и спрашивалъ, что это значитъ? И я, друзья мои, въ испугѣ разсказала ему о дѣлѣ его все, что знала. Вдругъ онъ завопилъ страшнымъ крикомъ, чего я прежде никогда не слыхала отъ него; такіе вопли, говаривалъ онъ, показываютъ челоуѣка слабого и невладѣющаго собой. Теперь онъ лежитъ среди животныхъ, избитыхъ имъ, безъ движенія, безъ пищи и питья, затѣвая что-нибудь недоброе.» (306 — 326). — Но вопль раздаются тяжелые стоны Аякса, онъ зоветъ сына, зоветъ Тевкра. Текмесса отворяетъ двери палатки, и на сценѣ самъ Аяксъ, среди крови и труповъ животныхъ.

Первое знакомство Аякса съ своимъ настоящимъ положеніемъ болѣзненно подѣйствовало на него; какъ неожиданный тяжелый ударъ, оно поразило его, вызвало у него страшный раздирающій крикъ; подъ тяжестью его

поколебалась и его могучая натура, онъ лишился сознанія, онъ забылся. Теперь онъ нѣсколько присмотрѣлся къ нему, освоился съ нимъ, понялъ его. Саламинцы, товарищи Аякса, съ ужасомъ слушали вѣсть объ немъ отъ Текмессы, потерялись, ждали уже смерти себѣ вмѣстѣ съ Аяксомъ и недалеко были отъ мысли сѣсть на свои корабли и тайно уйти. Аяксъ — самъ причина своего бѣдствія не терлется, не пугается, не старается какъ-нибудь оправдать, извинить себя; онъ прямо смотритъ на него и указываетъ другимъ. «О товарищи-моряки, единственные мои друзья, одни, оставшіеся вѣрными правдѣ, смотрите, какія волны отъ кровавой бури вокругъ меня; убейте же меня!» Не скрываетъ, не ослабляетъ онъ своего униженія, напротивъ, самъ онъ какъ можно ярче выставляетъ его, и, сопоставляя свою силу и превосходство съ настоящимъ безчестіемъ, съ горькой усмѣшкой и сожалѣніемъ обращается къ самому себѣ: «Смотрите на меня храбраго, отважнаго, неотразимаго въ страшномъ бою, какъ ужасны мои руки на мирномъ скотѣ! Увы, какой смѣхъ, какъ я опозоренъ!» Хоръ и Текмесса умоляютъ его именемъ боговъ успокоиться; но онъ съ возрастающимъ жаромъ высказываетъ свою досаду на неудавшееся мщеніе, свою ненависть къ врагамъ, жажду мести. «О я несчастный! я выпустилъ изъ рукъ этихъ злодѣевъ, а вмѣсто того попалъ на круторогихъ барановъ и стада тучныхъ овецъ и пролилъ ихъ черную кровь! О ты на все предусмотрительный, орудіе всѣхъ золъ, сынъ Лаэрта, отвратительнѣйшая зараза всего войска, какъ великъ теперь отъ удовольствія смѣхъ твой! Увидѣть бы мнѣ его теперь, хотя я теперь въ такомъ горѣ!... О Зевсъ, отецъ моихъ предковъ, погубилъ бы я этого коварнѣйшаго, ненавистнаго мнѣ поджигателя, и обоихъ царей, — и наконецъ бы самому умереть мнѣ»... Аяксъ не падаетъ подъ тяжестью удара, брошеннаго на него божествомъ, онъ не раскаивается въ своемъ поступкѣ, не смягчается, по прежнему онъ ненавидитъ своихъ враговъ и досадуетъ только на то, что ему не удалось выполнить своего намѣренія. Въ своемъ сознаніи онъ по-прежнему великъ и

могучь, и поэтому онъ не считаетъ себя ниже враговъ; онъ униженъ, онъ палъ; но величіе, превосходство его остаются при немъ, и онъ гордо бросаетъ вызовъ врагамъ своимъ. Но все же онъ униженъ, опозоренъ, и притомъ при содѣйствіи самаго божества; его умъ ослѣпленъ, его неотразимая твердость превращена въ неукротимое бѣшенство, его твердая рука, гнавшая толпы враговъ и удерживавшая натиски почти цѣлаго войска непріятелей, рѣжетъ, рветъ въ куски, истребляетъ невинныхъ животныхъ. Знать ужъ нѣтъ нужды въ Аяксѣ, когда само божество не щадитъ его, такъ глубоко унижаетъ его достоинство. Изъ такого гибельнаго для себя вмѣшательства Аѳины Аяксъ могъ видѣть только, что онъ уже не жилецъ на этой землѣ, и мысль его быстро переносится къ міру подземному. «О тѣмъ—мой свѣтъ, мракъ ада—самый яркій блескъ для меня, возьмите, возьмите меня, жилища вашего, возьмите къ себѣ! Я не способенъ ужъ жить съ потомками боговъ, обращаться съ смертными людьми. Сильная богиня, дочь Зевса, въ позорѣ убить меня. Куда убѣжать мнѣ, гдѣ остаться? Стада побиты, друзья, месть моя не удалась, самъ я среди безумной моей охоты, а между тѣмъ весь станъ можетъ устремиться на меня и убить меня.» И затѣмъ онъ обращается къ мѣстности, на которой онъ прославился своими геройскими дѣлами, и которая такъ позорно заканчивается для него. «О ручьи, съ шумомъ катящіеся по берегу морскому, пещеры и луга, много, много времени провелъ я съ вами около Троя; но больше ужъ не буду я жить съ вами. Это вѣрно. О скамандрійскіе ручьи, сосѣди мои, благосклонные къ Аргивянамъ, никогда вы, скажу правду въ похвалу для себя, никогда Троя не видѣла другаго мужа, подобнаго мнѣ изъ всѣхъ приходившихъ сюда съ берега Эллады, а теперь я такъ опозоренъ!». Всѣ эти мысли и чувства быстро мѣняются въ душѣ Аякса, перебиваются между собой и высказываются въ порывистой, перовнои рѣчи. Для Аякса уже вполне ясно его положеніе; но въ душѣ его еще преобладаетъ горе и досада, онъ не успокоился еще, онъ въ волненіи, и переполненная душа его изливается въ короткихъ, отрыви-

стихъ строфѣхъ. Онъ не въ состояніи даже сдержать сильнаго натиска быстро смѣняющихся ощущеній. Текмесса и хоръ послѣ каждой краткой фразы его постоянно обращались къ нему съ просьбой успокоиться, но просьбы ихъ остаются безъ отвѣта; дальнѣйшая рѣчь Аякса, какъ мы видѣли, то съ той, то съ другой стороны высказываетъ его только собственное состояніе; притомъ доселѣ его вниманіе было обращено на недавно-прошедшее, переполненное его славными дѣлами. Теперь онъ нѣсколько успокоивается, глубже вникаетъ въ самого себя, въ свое положеніе, переносится мыслью къ своему отцу, его славнымъ подвигамъ, сравниваетъ съ нимъ себя. «Увы, кто могъ бы подумать, что самое имя мое столь вѣрный предвѣстникъ моего горя? Теперь не къ чему воздерживаться отъ воплей и стоновъ, — въ такой бѣдѣ я теперь (*)! Мой отецъ въ этой же самой Идейской землѣ, совершивши знаменитыя дѣла и получивши первую награду, со славой воротился домой; а я, его сынъ, пришедши подъ ту же самую Трою съ неменьшей силой и совершивши не менѣе славные подвиги, я, такъ опозоренный, погибаю среди Аргивянъ. И я знаю навѣрное, если бы Ахиллесу самому, при жизни его, пришлось сказать судъ относительно оружій своихъ и дать ихъ кому-либо въ награду за лучшіе подвиги, — никто кромѣ меня не получилъ бы ихъ; теперь же Атриды отдали ихъ злокозненному и коварному человѣку, унизивши мои славныя дѣла. И если бы мои ослѣпленные глаза и умъ не отклонили меня отъ моего намѣренія, никогда бы они ужъ не учинили подобнаго суда надъ кѣмъ-либо другимъ; но

(*) Въ подлинникѣ игра словъ, не переводимая на другой языкъ: Аяксъ, по-гречески 'Αίας, названъ такъ, какъ знаемъ мы, отъ орла, ἄετος, явившагося во время молитвы Геркулесса къ Зевсу, чтобы онъ даровалъ ему Теламону. Αἶας, междометіе, выражающее боль, горестъ, и отъ него-то Аяксъ производитъ свое имя, называетъ его ἐπ' αὐτοῦ μου своихъ несчастій, точно какъ будто въ самомъ имени было указаніе на то, что онъ не избѣжитъ ихъ, и затѣмъ, для выраженія своей горести, употребляетъ слово αἰάζειν, издавать вопли: οὐὐ γὰρ πάρεστι καὶ δις αἰάζειν ἐμοὶ καὶ τρις.

страшная, жестокая богиня, дочь Зевса, помутивши бо-
лѣзнію мой умъ, отвела мои руки, уже поднятыя на нихъ,
и я запятналъ ихъ въ крови этихъ животныхъ, а они те-
перь смѣются надо мною, избѣгнувши бѣды противъ моей
воли; но если мѣшаетъ кто-либо изъ боговъ, тогда и са-
мый лѣнивый убѣжитъ хоть бы и отъ самаго быстрого.
Что же теперь дѣлать мнѣ? Богомъ я не угоденъ, это ясно;
войско Греческое ненавидитъ меня; для Трои и мѣстности
ея я тоже не другъ. Или переплыть обратно Эгейское мо-
ре и воротиться домой, оставивши эту осаду и однихъ
Атридовъ? Но съ какими глазами покажусь я отцу мое-
му Теламону, и какъ рѣшится онъ видѣть меня безъ пер-
вой награды, которую самъ онъ нѣкогда получилъ? Нѣтъ,
на это нельзя рѣшиться. Или, быть можетъ, пойти мнѣ про-
тивъ укрѣпленій троянскихъ, напасть одному на многихъ
и, совершивши нѣчто достойное, наконецъ умереть? Но въ
этомъ случаѣ я благодѣтельствую Атридамъ. Нѣтъ, нужно
поискать такого дѣла, на которомъ бы я показалъ своему
отцу, что я—сынъ его, помню, чья кровь течетъ во мнѣ.
Постыдно для человѣка желать долгой жизни, когда онъ
не въ состояніи изгладить своего безчестія; для чего нужна
она, когда каждый день или только приближаетъ къ смерти,
или только отдаляетъ отъ нея? Я ни во что ставлю того
человѣка, который водится несбыточнымъ ожиданіемъ;
благородному слѣдуетъ или честно жить, или честно уме-
реть,—вотъ мое мнѣніе.» (430—450).

Аяксъ еще въ первомъ припадкѣ гнѣва и досады на
свой ужасный промахъ и униженіе затѣвалъ что-то не-
доброе, въ обращеніи къ своимъ товарищамъ первымъ
почти словомъ его была просьба—убить его; затѣмъ въ
своей бурно-порывистой рѣчи онъ нѣсколько разъ гово-
рилъ о своей смерти, какъ объ участи неминуемо-рѣшен-
ной, какъ о состояніи уже наступившемъ для него, въ
которое онъ входитъ. И теперь относительно болѣе спо-
койная рѣчь его оканчивается тоже приговоромъ себя къ
смерти, только болѣе спокойнымъ и рѣшительнымъ. Смерть,
на которую осуждаетъ себя Аяксъ, не есть мѣра отчая

нія въ слѣдствіе неудавшагося замысла, отчаянія, помрачающаго умъ и парализующаго волю. Мы видимъ, что Аяксъ разсуждаетъ, ясно понимаетъ себя и свое положеніе и предлагаетъ себѣ нѣсколько путей выйти изъ него.

Рѣшимость Аякса на смерть не есть слѣдствіе страха предъ божественной судьбой гнетущей его, потому что онъ избираетъ мѣры и хочетъ загладить свое униженіе. Вся обстановка и положеніе Аякса вообще, и сознаніе того, что онъ не угоденъ уже богамъ, и ненависть къ нему Атреевъ, Одиссея и всего Греческаго войска, и его собственная ненависть къ нимъ, и вражда Троянъ къ нему, и безчестіе, униженіе его, — всѣ эти обстоятельства понятны имъ съ полною ясностью и побуждаютъ его произнести надъ собой смертный приговоръ. Но долѣе всего онъ останавливается на оскорбленіи своемъ, на униженіи. Долгъ отличатся между всѣми, превосходить прочихъ, а потому и право на предпочтеніе онъ считаетъ естественнымъ, прирожденнымъ себѣ долгомъ; въ подтвержденіе этого онъ припоминаетъ подвиги и награды своего отца, указываетъ на свои не менѣе важныя заслуги, на судъ Ахиллеса, если бы онъ живъ былъ, и потомъ на свой позоръ, безчестіе. И ему ли, такъ славному и знаменитому между героями греческими, первому между всѣми, жить отверженнымъ, терпѣть презрѣніе и насмѣшки отъ своихъ озлобленныхъ враговъ? Сама богиня насмѣялась надъ нимъ, и теперь, конечно, никто не пощадитъ его. Ему ли отъ такого знаменитаго отца и самому такъ прославившемуся остаться наконецъ пятномъ безчестія для всего своего рода? Честь, слава, уваженіе, удивленіе къ себѣ для героя самое главное въ жизни, въ этомъ находятъ онъ главное побужденіе для своихъ отважныхъ предпріятій, въ этомъ же составляетъ онъ главную награду. Для героя — или славная жизнь, или славная смерть.

Аяксъ смотритъ на цѣль своей жизни, на свое настоящее положеніе съ точки героической; даже вспоминая

о своемъ отцѣ, онъ останавливается на славѣ его и видитъ въ этомъ тѣмъ больше побужденія для собственнаго прославленія. Онъ совершенно упустилъ изъ виду другаго рода связи, которыми онъ прикованъ къ жизни,—свое положеніе какъ сына престарѣлыхъ родителей, какъ супруга и отца малолѣтняго сына. Когда Аяксъ спокойно и ясно высказалъ свою рѣшимость умереть, Текмесса раскрываетъ предъ нимъ его семейныя связи и старается его тронуть, смягчить, отклонить отъ несчастной рѣшимости. Она вспоминаетъ о своей прежней счастливой и свободной жизни у своихъ родныхъ; но отецъ и мать ея убиты, и она теперь раба; склонность Аякса къ ней возвысила ее, и она со страхомъ представляетъ себѣ горькую долю свою въ случаѣ смерти Аякса, насмѣшки надъ нею, какъ женою его, и закликаетъ его именемъ Зевса, своею любовью и брачными узами не оставлять ее вдовой, пощадить себя для своего малолѣтняго сына, которому грозитъ всякаго рода оскорбленіе отъ его недруговъ—опекуновъ Атридовъ,—пощадить себя для стариковъ отца и матери, которые такъ часто молятся предъ богами о счастливомъ возвращеніи его домой. Аяксъ въ отвѣтъ на трогательную и длинную рѣчь Текмессы скорѣе требуетъ къ себѣ сына. «Неси его, неси сюда. Не испугаетъ его видъ этихъ недавнихъ, свѣжихъ труповъ, если дѣйствительно онъ мой сынъ; слѣдуетъ его приучить къ суровымъ обычаямъ отца и сдѣлать его по направленію подобнымъ мнѣ. О сынъ мой, будь счастливѣе отца, но во всемъ прочемъ похожъ на меня, и не будь дурнымъ человѣкомъ; впрочемъ и теперь я могу позавидовать тебѣ въ одномъ, именно: что ты не сознаешь еще настоящаго несчастія. Въ непониманіи дѣтскомъ самая пріятная жизнь, пока не узнаешь радости и горя; а когда дойдешь до этого состоянія, ты долженъ на врагахъ твоего отца показать, каковъ ты и отъ кого происходишь; но до того времени живи въ беззаботномъ дѣтствѣ на утѣшеніе матери своей, укрѣпляя въ себѣ молодую душу. Я знаю, что и безъ меня никто изъ Ахейцевъ не обезчеститъ тебя, я оставляю тебѣ Тевкра, вѣрнаго защитника и хранителя твоего дѣт-

ства, хоть онъ теперь и далеко, собираетъ добычу на полѣ враговъ. Васъ, товарищи-моряки, прошу я, передайте ему порученіе мое, чтобы онъ отвезъ его домой къ отцу Теламону и матери Эревіи; въ старости ихъ онъ будетъ для нихъ опорой. Моихъ оружій и моего щита агонархи пусть не предлагаютъ для состязанія аргивянамъ. Но щитъ мой возьми ты, сынъ мой Эвризакъ, носящій его имя, и владѣй имъ, семикожанымъ, непроницаемымъ для удара; прочія же оружія должны быть погребены вмѣстѣ со мной. — Ну же, возьми какъ можно скорѣе сына, затворись въ своей палаткѣ и не подымай тамъ воплей; вы женщины слишкомъ любите эти стоны. Но скорѣй же уходи себѣ; мудрый врачъ не станетъ горевать и вопить, когда рана требуетъ желѣза.»

Отвѣтъ Аякса далеко не соответствуетъ цѣлямъ и желанію Текмессы. Она хотѣла тронуть его суровость, возбудить въ немъ состраданіе къ горькой долѣ близкихъ ему послѣ его смерти, а вмѣсто того Аяксъ становится еще болѣе суровымъ и почти прогоняетъ ее отъ себя. Сколько привязанности, нѣжныхъ упрековъ, сожалѣнія, отчаянія съ одной стороны, и сколько невозмутимаго спокойствія, холодности, жесткости съ другой! Аяксъ точно будто не слышалъ жалобы и отчаянія Текмессы. И въ самомъ дѣлѣ, рѣчь Аякса запечатлѣна какимъ-то спокойнымъ величіемъ и торжественностью, въ противоположность тому, что хотѣла вызвать въ немъ Текмесса своимъ воплемъ и слезами, она есть слѣдствіе прежняго его расположенія и теченія его мыслей, и въ первыхъ же словахъ ея ясно видна непреклонная рѣшимость на смерть. Она имѣетъ характеръ прощальной бесѣды и предсмертнаго завѣщанія, въ которомъ Аяксъ высказываетъ свою волю и распоряженія. И здѣсь онъ болѣе всего обращается къ сыну, толкуетъ о воспитаніи его по образцу отца, завѣщаетъ ему ревностно охранять свою честь и достоинство и отмстить безчестіе и оскорбленіе своего отца на его врагахъ. Какъ будто мимоходомъ онъ упоминаетъ о близкихъ себѣ, о своемъ отцѣ, матери, и самой Текмес-

сѣ за всю любовь ея и привязанность платить только однимъ ласковымъ словомъ — «что въ утѣшеніе ей онъ оставляетъ сына», и затѣмъ обращается къ мелочамъ по мнѣнію нашему, но важнымъ для героя, даетъ распоряженія относительно своихъ оружій. Здѣсь предъ нами тотъ же Аяксъ, что въ Иліадѣ, суровый, жесткій, недоступный для нѣжныхъ увлеченій, задушевныхъ чувствъ. Впрочемъ и его твердая, почти холодная, черствая по виду натура колебалась подъ конецъ его прощальной рѣчи, чувство обиды и оскорбленія какъ бы подавлено было въ немъ напоромъ другихъ чувствъ, и мысль о разлукѣ съ дорогими для него существами разомъ и со всею силою проникло въ его спокойное сердце и произвело въ немъ горечь и волненіе, до сихъ поръ, быть можетъ, ни разу не испытанныя имъ. Аяксъ уже не владѣетъ собой и, желая возстановить необходимое для него спокойствіе и твердость съ обычными ему жесткими приемами удаляетъ предметъ взволновавшій его — сына и жену. Текмесса боится его бросить, умоляетъ смягчиться. Аяксъ все съ большею жесткостью, даже гнѣвомъ, настаиваетъ на своемъ приказаніи; споръ ихъ прерываетъ хоръ.

Хоръ Саламинцевъ вспоминаетъ о знаменитомъ Саламинѣ и счастливой жизни на немъ и жалуется на свою настоящую горькую жизнь, безчисленные, нескончаемые труды, изнуряющіе его и приводящіе къ страшному, безвѣстному аду. Прежде защищалъ ихъ и помогалъ имъ Аяксъ, а теперь онъ униженъ, опозоренъ, готовится перейти въ адъ. Съ особенною живостью рисуетъ онъ тоску матери его, Эревіи, по своему знаменитомъ несчастномъ сынѣ. «И когда мать его, въ преклонной уже старости, услышитъ, что сынъ ея пораженъ безуміемъ, не соловьемъ запоетъ она, несчастная, жалобно нѣжныя пѣсни по немъ; — пронзительными воплями заплачетъ она, глухо зазвенитъ грудь ея отъ ударовъ ея рукъ, пряди сѣдыхъ волосъ упадутъ съ ея головы..... О злосчастный отецъ! о какой горькой долѣ сына твоего придется узнать

тебѣ,—долѣ, которой не испытывалъ никто изъ Экидовъ, кромѣ его.

Въ продолженіе всей пѣсни хора Аяксъ сидѣлъ спокойно, ни разу не перебивая его, хотя онъ такъ близко касался состоянія его матери, отца, его самого. Онъ былъ погруженъ въ глубокую задумчивость. Горячая привязанность Текмессы поразила его; хоръ такъ живо рисовалъ его славное прошедшее, вопли по немъ его родныхъ, свою собственную горестъ и безпомощное состояніе. Аяксъ, какъ бы не принадлежа уже къ этой жизни, отрѣшившись уже отъ пріятностей ея и скорбей, снова посмотрѣлъ на эту жизнь; быстро пронеслась предъ нимъ вся картина прожитаго имъ, со всеѣмъ его разнообразіемъ, оттѣнками, и у него образуется нѣсколько иной взглядъ и настроеніе. «Все скрытое отъ насъ открываетъ предъ нами долгое безконечное время, и все извѣстное скрываетъ оно; нѣтъ ничего такого, что бы не могло случиться; есть конецъ даже и для клятвы, не считающей ни чего завѣтнымъ для себя, и для непреклоннаго упорства души. И я самъ, до сего времени безпощадно суровый и непреклонный, какъ закаленное желѣзо, и я смягчился отъ рѣчи этой женщины (Текмессы), я скорблю, что оставляю у враговъ моихъ ее вдовой и сына сиротой. Но я иду къ мѣсту священнаго омовенія, — приморскимъ берегамъ, чтобы очиститься отъ преступленія, утолить страшный гнѣвъ богини; на пути въ уединенномъ и ни кѣмъ не посѣщаемомъ мѣстѣ скрою я этотъ мечъ мой, ненавистнѣйшее изъ всѣхъ оружій, зарю его въ землю, чтобы никто не нашелъ его: ночь и адъ пусть хранятъ его тамъ. Съ тѣхъ поръ какъ получилъ я его въ подарокъ отъ Гектора, злѣйшаго изъ враговъ моихъ, ничего добраго не имѣлъ я отъ Аргивянъ; правду говоритъ людская поговорка: даръ отъ врага—не въ даръ и не въ пользу. «Наконецъ научимся же смиряться предъ богами, научимся уступать Атридамъ; они начальники, поэтому слѣдуетъ имъ повиноваться. Да и отчего не такъ? Все самое сильное и неодолимое знаетъ уступку; снѣжныя зимы уступаютъ свое мѣсто плодови-

тому лѣту, и мрачная ночь даетъ мѣсто бѣлому дню зажечь свой свѣтъ; легкій вѣтерокъ успокоиваетъ море, стонущее отъ бури, и всѣхъ усыпляющій сонъ разрѣшаетъ наконецъ свои оковы. Какъ же намъ не научиться быть болѣе умѣренными? И я, наконецъ, узналъ, что по отношенію къ врагу на столько нужно враждовать, чтобы потомъ быть въ состояніи и полюбить его, и къ другу слѣдуетъ быть такъ привязаннымъ, какъ будто бы онъ не навсегда останется другомъ. Относительно большей части людей неизвѣстно, какой конецъ ихъ дружбы. Но объ этомъ довольно; ты, жена, войди въ палатку и помолись богамъ, чтобы совершилось то, чего желаетъ мое сердце; и вы, друзья мои, исполните мое порученіе, и передайте Тевкру, когда воротится онъ, чтобы онъ позаботился и обо мнѣ, и вмѣстѣ объ васъ. Я отправляюсь туда, куда слѣдуетъ итти мнѣ, а вы дѣлайте то, что я сказалъ вамъ, и, быть можетъ, скоро узнаете, вы, что я, теперь такъ злосчастный, избавленъ отъ своего горя.»

Приведенная рѣчь Аякса нисколько не похожа на прежнія рѣчи; ни малѣйшаго въ ней нѣтъ оттѣнка того раздраженія и досады, пылающаго гнѣва и мщенія, которые такъ ярко высказывались въ каждомъ его словѣ; въ величавомъ, торжественномъ спокойствіи, какъ ораторъ, высказываетъ онъ предъ друзьями свои мудрыя рѣчи, точно переродился Аяксъ и сталъ новымъ человекомъ. И въ самомъ дѣлѣ онъ сталъ инымъ. Нѣжная привязанность и отчаянные вопли и просьбы Текмессы колебали его, трогательная и какъ бы погребальная пѣснь надъ нимъ преданныхъ и подчиненныхъ ему Саламинцевъ расположили его самого къ грустному и тихому размышленію. Неотмѣнимо рѣшено уже, что онъ умретъ, что онъ не принадлежитъ уже къ этой жизни; всѣ отличныя дѣла, удачи и несчастія здѣшней жизни, всѣ удовольствія и непріятности, радость и горе, привязанность и ненависть, — все это только до гробовой доски. Аяксъ, какъ жилецъ другаго міра, посмотрѣлъ на эту

жизнь, и все представилось ему въ иномъ свѣтѣ. Онъ становится глубокимъ философомъ, мудрецомъ, и высказываетъ предъ самимъ собой и своими слушателями мудрыя правила жизни; въ своей собственной дѣятельности онъ указываетъ нѣкоторыя ошибки и какъ бы кается въ нихъ.

Прежде онъ былъ пылкимъ и горячо увлекающимся; одно чувство, одна мысль вполне овладѣла его натурой и какъ бы закрывала предъ его глазами все остальное; онъ всецѣло предавался возникшему въ немъ настроенію и былъ непреклоненъ какъ въ своей привязанности, такъ въ своемъ гнѣвѣ и ненависти. Самъ высоко честный и благородный, по своей натурѣ способный только на одно великое и безкорыстное, онъ требовалъ того же самаго и отъ другихъ, и не находя въ нихъ этихъ качествъ отвращался отъ нихъ, ненавидѣлъ ихъ; на дѣло онъ смотрѣлъ прямо и просто, какъ оно кажется съ перваго взгляда, съ своей лицевой стороны, не проникая въ глубь его, не стараясь распознать его глубочайшихъ сторонъ и внутреннихъ побужденій къ нему; въ немъ не было этой мудрой сдержанности, осмотрительности и полного обладанія собой, въ слѣдствіе чего можно найтись и среди самыхъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, умѣть пріобрѣсти для себя приличное мѣсто и значеніе, не унижая своего достоинства и не оскорбляя другихъ. Аякъ былъ порывистъ и рѣшителенъ въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ и, не соображаясь съ обстановкой, дѣйствовалъ наперекоръ всему. Оттого, сознавая Атридовъ далеко ниже себя и притомъ не совсѣмъ честными, онъ не могъ быть даже равнодушнымъ къ нимъ, онъ презиралъ ихъ; оттого-то, довѣряя своей силѣ и усердно дѣлая свое дѣло, онъ съ жесткостью отвѣчалъ на воодушевленіе самой богини. Теперь смотря на жизнь спокойно, — на дѣла свои какъ законченныя уже и не касающіяся его самого, онъ перемѣняетъ свой взглядъ и убѣжденіе. Давно онъ созналъ тяготящую надъ нимъ руку божества; но въ его душѣ все еще шла

борьба между признаніемъ законности этой кары и сознаниемъ своей силы и достоинства, своей честности, невинности и справедливости своего мщенія надъ Атридами. Теперь онъ отвергаетъ свое прежнее направленіе, по которому наше сознаніе, наше чувство и расположеніе можетъ быть мѣркой для оцѣнки всего; онъ признаетъ существованіе внѣшняго неодолимаго закона, управляющаго всѣмъ, признаетъ его силу, проявляющуюся въ отношеніяхъ между людьми, склоняется предъ ней и повинуется ей; онъ уступаетъ Атридамъ, потому что они начальники—представители закона и его силы, онъ покоряется волѣ боговъ и смиряется предъ ихъ крѣпкой рукой. Укрѣпляетъ онъ себя въ этомъ новомъ для него направленіи, вспоминая о ненарушимомъ порядкѣ и гармоніи въ жизни природы, вслѣдствіе чего самыя крайнія и рѣшительныя противоположности въ ней примиряются и уступаютъ мѣсто одна другой. Поэтому и на самую смерть, предстоящую предъ нимъ, смотритъ Аяксъ нѣсколько иначе. Она теперь еще болѣе неизбежна для него, но неизбежна она не потому только, что онъ лишній въ этой жизни, такъ какъ сами боги преслѣдуютъ его, что онъ не можетъ пережить пятна наносящаго безчестіе ему и всему славному его роду;—смерть кажется ему священнымъ омовеніемъ, жертвой, которой можетъ онъ утишить страшный гнѣвъ божества и искупить себя отъ своихъ преступленій. Вообще во всей рѣчи Аякса дышитъ полное и искреннее примиреніе со всѣмъ, скромность и уступчивость, мудрая умѣренность и высокая, искренняя религіозность.—И если мы при этомъ вспомнимъ о поведеніи и чувствахъ Одиссея, любимца Аѣины къ обезумѣвшему Аяксу, о наставленіяхъ Аѣины Одиссею и тѣхъ качествахъ, которыя необходимы для того, чтобы избѣгать немилости боговъ и сдѣлаться любимцемъ ихъ, то нельзя не признать сходства обновленнаго Аякса съ мудрымъ Одиссеемъ. Въ немъ развились теперь и окрѣпли тѣ качества, которыми Одиссей приобрѣлъ себѣ расположенность Аѣины, Аяксъ теперь мудръ, скромнень и уступчивъ, повинуется закону, подчиняется

власти боговъ; онъ пріобрѣлъ все, чтобы сдѣлаться любимцемъ боговъ и явиться полнымъ и совершеннымъ героемъ.

Аяксъ подъ вліяніемъ новыхъ мыслей и чувствъ говоритъ нѣсколько двусмысленно и загадочно, смерть свою называетъ онъ священнымъ омовеніемъ и жертвою, и отправляясь на смерть говоритъ женѣ и своимъ товарищамъ—Саламинцамъ, что они скоро узнаютъ объ освобожденіи его отъ своего несчастья. Нѣтъ ни малѣйшаго основанія полагать, чтобы Аяксъ говорилъ такъ въ намѣреніи обмануть ихъ; напротивъ, онъ говоритъ искренно, такъ, какъ самъ смотритъ теперь на смерть свою. Но Текмесса и Саламинцы буквально поняли слова его, они думали, что онъ въ самомъ дѣлѣ идетъ совершить очистительные обряды и принести очистительную жертву божеству, и оставили его одного. Они твердо были увѣрены, что Аяксъ рѣшился умереть; но слишкомъ сильно страшились они смерти Аякса, слишкомъ дорога для нихъ была жизнь его и горька жизнь безъ него, и они радостно схватились за двусмысленное слово Аякса, навязали ему свой собственный смыслъ, ихъ глубокая горестъ мгновенно замѣнилась живою, почти безумною, радостію, и они предались веселымъ танцамъ и благодарственной пѣсни богамъ вокругъ алтарей ихъ; между тѣмъ для Аякса представилась возможность спокойно окончить жизнь свою.

Во время танца и веселой пѣсни хора является посолье отъ только что прибывшаго Тевкра, съ порученіемъ не оставлять Аякса одного и не пускать его изъ палатки, иначе онъ долженъ умереть. Прорицатель Калкасъ передалъ Тевкру, что Аѣина, оскорбленная самонадѣянностію и превозношеніемъ Аякса, въ гнѣвѣ преслѣдуетъ его этотъ только день, и если удастся на этотъ только день сохранить его, то онъ останется въ живыхъ. Испуганная и взволнованная Текмесса разсылаетъ вѣрныхъ

своихъ Саламинцевъ и сама отправляется съ ними на поиски.

Но вотъ самъ Аяксъ на берегу морскомъ; не вда-
лекъ слышенъ плескъ шумящихъ волнъ; предъ нимъ мечъ
крѣпко врытый въ землю; самъ онъ въ полной рѣшимо-
сти броситься на него. «А вотъ и мечъ, уставленный
мною такъ, чтобы онъ какъ можно глубже вонзился въ
меня, если и объ этомъ слѣдуетъ позаботиться,—пода-
рокъ Гектора, изъ всѣхъ враговъ особенно ненавистнаго
и враждебнаго для меня; скованъ онъ въ непріятельской
троянской землѣ, съизнова выточенъ онъ на твердомъ
каменѣ, съ умѣніемъ вкопалъ я его въ землю, такъ что
онъ по моему желанію быстро нанесетъ мнѣ смерть.
Итакъ я готовъ. Послѣ всего этого, къ тебѣ, Зевесъ,
первому, какъ и слѣдуетъ, обращаюсь я за помощью;
не слишкомъ многого прошу я у тебя: пошли къ Тевкру
какого-нибудь посла съ несчастной вѣстью, чтобы онъ
первый поднялъ меня съ этого окровавленнаго меча, и
недопусти, чтобы прежде замѣтили меня мои враги и бро-
сили собакамъ и птицамъ въ пищу; этого только, Зевесъ,
прошу я у тебя. Обращаюсь къ тебѣ, Гермесъ, вѣстникъ,
отводящій души въ адъ, пусть легка и мгновенна бу-
детъ смерть моя, когда я брошусь на этотъ мечъ,
и онъ разорветъ мой бокъ. Зову на помощь и васъ всег-
дашнія дѣвы, всегда видящія всѣ страданія людей, васъ,
благочестиво уважаемая, быстроногія Эринніи, смотрите
какъ я, несчастный, гибну изъ-за Атридовъ. Идите ско-
рѣе, мстительныя Эринніи, казните и не щадите всего
войска.

А ты, солнце, обтекающее высокое небо, когда
увидишь мою родную землю, сдержи свои златотканныя
возжи и извѣсти о страданіи и смерти моей старика
отца и несчастную мать мою; и она-то, несчастная,
когда дойдетъ эта вѣсть до ней, издастъ громкіе вопли
на весь городъ. Но не время горевать теперь объ этомъ;
слѣдуетъ какъ можно скорѣе дѣлать дѣло. О смерть,

смерть! Явись теперь предо мной, хотя и тамъ съ тобой я буду вести рѣчи. И къ тебѣ, блескъ свѣтлаго дня, и къ тебѣ быстротекущее солнце, обращаюсь я въ послѣдній разъ и никогда болѣе. О свѣтъ, о святая земля роднаго Таламина, потеческій жертвенникъ, славные Аѣины, сотоварищи мои, прощайте! Вотъ Аяксъ говоритъ вамъ послѣднее слово, теперь онъ ужъ житель ада и подземнаго царства.»

Новыя мысли и чувства, возникшія въ душѣ Аякса и высказанныя имъ въ прощальной рѣчи Текмессъ и его друзьямъ, не были минутнымъ увлеченіемъ суроваго Аякса; они запали глубоко въ его душу и породили дѣйствительно новое направленіе; онъ умираетъ съ тою же мягкостью сердца и подчиненностью волѣ боговъ, и съ прежнею твердостью и неустрашимостью. Самъ онъ готовитъ для себя орудіе смерти, устанавливаетъ мечъ такъ, чтобы онъ не пошатнулся отъ тяжелаго паденія тѣла его, и хладнокровно, рѣшительно избираетъ для себя такое положеніе, въ которомъ онъ могъ бы нанести себѣ вѣрную смерть. Вотъ ужъ смерть предъ нимъ, — само божество довело его до нея; но возникшее въ немъ чувство уваженія и подчиненія закону, чувство зависимости и покорности къ высшей силѣ окрѣпло ужъ въ немъ, и религіозность его высказывается въ смиренной просьбѣ богамъ. Послѣ него остается малолѣтній сынъ съ матерью, онъ въ станѣ его непримиримыхъ враговъ, судьба его неизвѣстна, и такъ много вѣроятности, что она будетъ печальна, а умирающему отцу такъ желательно, чтобы онъ былъ счастливъ и показалъ въ себѣ втораго отца. Аяксъ прежде всего герой, и для его собственной славы и чести такъ много опасности. Онъ умретъ и его тѣло можетъ попасться врагамъ его; тогда вѣчный позоръ грозить ему, онъ можетъ быть лишенъ послѣднихъ почестей необходимыхъ не только для героя, но для каждаго члена общества, — его могутъ прировнять къ презрѣннѣйшимъ и постыднѣйшимъ извергамъ общества, лишить его тѣло честнаго погребенія и выбросить

въ добычу собакамъ и птицамъ; тогда окончательно опозорено его знаменитое имя и неозвратно погибла его великая слава. Самое дорогое для себя онъ поручаетъ божеству, славу свою, и просить, чтобы оно защитило его отъ постыдныхъ намѣреній враговъ.

Воспоминаніе о безотраднѣхъ вопляхъ матери при вѣсти о смерти его глубоко волнуетъ Аякса, и онъ насильно сдерживаетъ неумѣстный порывъ горести. Но особенно трогательно обращеніе умирающаго къ природѣ: вся она представляется ему какъ бы воодушевленную, и онъ съ блескомъ солнца, рѣками и источниками прощается, какъ съ живыми существами. И прежде Аяксъ не разъ обращался къ природѣ, — видно, что въ немъ подъ суровой оболочкой было открытое и воспріимчивое сердце; теперь эта мягкость и нѣжность развилась въ высшей степени; послѣднимъ словомъ Аякса было обращеніе къ природѣ. — Въ совершенномъ спокойствіи, полномъ примиреніи со всѣми отходитъ Аяксъ отъ жизни этой. Прежде одна мысль о врагахъ приводила его въ гнѣвъ и неистовство, теперь онъ съ полнымъ спокойствіемъ вспоминаетъ о нихъ и просить только мстительныхъ Эринній, чтобы они отмстили имъ за ихъ несправедливость и злобу къ нему. Эта мольба умирающаго Аякса похожа на проклятiе; но, безъ сомнѣнія, въ ней ни сколько не выражается озлобленіе и гнѣвъ его на Атреевъ. Аяксъ самъ зашелъ за предѣлы справедливости, божество наказало его, и за свое преступленіе онъ расплачивается жизнью. Онъ смиряется предъ силою закона, уступаетъ Атреямъ признаетъ ихъ своими начальниками, а себя подчиненнымъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и Атреи были виновны, — не даромъ же Аяксъ хотѣлъ умертвить ихъ и такъ часто говоритъ о ихъ злокозненности. И если Аяксъ за свое увлеченіе такъ жестоко наказанъ, то неужели они послѣ козней своихъ должны остаться нетронутыми, неужели ихъ сознательное лукавство не заслуживаетъ наказанія? Аяксъ исполняетъ священнѣйшій для него долгъ мщенія, въ

немъ высказывается глубокое понятіе о справедливости, по которому каждое преступленіе должно быть заглажено самимъ человѣкомъ, иначе ждетъ его кара высшаго существа; въ этомъ случаѣ онъ только исправляетъ свою прежнюю ошибку: прежде Аяксъ считалъ себя самого полновластнымъ мстителемъ враговъ своихъ, теперь онъ передаетъ это дѣло на волю божества.

Аяксъ умираетъ примирившись съ гнѣвнымъ для него божествомъ. Мы видимъ, что его паденіе, его страданіе благотѣльно подѣйствовали на его натуру, исцѣлили его именно отъ тѣхъ нравственныхъ недостатковъ, которые мѣшали его полному совершенству; въ немъ возникло и окрѣпло именно то направленіе, которое необходимо, чтобъ быть угоднымъ божеству и нѣтъ причины, почему ему не сдѣлаться любимцемъ боговъ. И въ самомъ дѣлѣ, пророкъ Калкасъ говоритъ прямо Тевкру, что гнѣвъ Аѳины на Аякса продолжится только одинъ день, и если бы удалось Саламинцамъ сберечь его на этотъ день, то Аяксъ остался бы съ ними на всю жизнь; съ этимъ днемъ закончились бы страданія Аякса, если бы онъ остался живъ; значить, если онъ умеръ, то не только изгладилось его униженіе и безчестіе, но смерть его есть начало новой, высшей славы для него; самъ онъ называетъ смерть свою жертвой, примиряющею его съ богами, очищающею, освящающею его самого; Аяксъ послѣ смерти своей, становится лицомъ священнымъ, достояжаемымъ для людей, любимцемъ боговъ.

Текмесса первая находитъ истекающаго кровью Аякса; тотчасъ же на жалобные вопли ея сходятся Саламинцы, посланные ею для розыска, и возлѣ трупа Аякса начинается какъ бы погребальная пѣснь. Текмесса въ глубокой горести оплакиваетъ въ немъ своего любимаго супруга и жалуется на свое беззащитное положеніе въ вражескомъ станѣ, Саламинцы горюють о своемъ героѣ, начальникъ и защитникъ. Наконецъ приходитъ самъ Тевкръ. Въ трогательномъ монологѣ высказываетъ

онъ печаль свою о смерти своего друга и брата, съ грустью смотритъ на глубокую рану и окровавленное тѣло Аякса, оплакиваетъ его скорую смерть, жалѣетъ, что самъ онъ не явился въ время на помощь, съ страхомъ и горестью рисуеъ гнѣвъ раздраженнаго Теламона при вѣсти о смерти Аякса, наконецъ распоряжается приготовленіемъ погребенія для Аякса, какъ вдругъ встрѣчаетъ препятствіе со стороны Менелая и Агамемнона.

Споръ Тевкра съ Менелаемъ и Агамемномъ за право погребенія Аякса довольно значителенъ по объему и составляетъ существенную часть драмы. Погребеніе тѣла—дѣло существенной важности для героя, и мы видѣли, что первой молитвой умирающаго Аякса къ Зевесу было не допустить, чтобы кто-либо изъ враговъ первый увидѣлъ его тѣло. И самъ Тевкръ, какъ братъ, другъ, и со смертию Аякса преемникъ власти его, долженъ былъ защищать тѣло его отъ посягательства. Но съ другой стороны Аяксъ покушался на жизнь начальниковъ и Греческаго войска, истребилъ стада, сдѣлался ненавистенъ для всѣхъ, и требованіе Агамемнона и Менелая бросить тѣло Аякса въ добычу собакамъ и птицамъ имѣетъ силу законности. Такимъ образомъ, хотя Аякса и не стало, но самъ онъ, его достоинство, его право составляетъ главный предметъ дѣйствія. Самый споръ ведется бойко и живо; много въ немъ бойкихъ діалектическихъ оборотовъ, въ которыхъ соперникъ терпитъ пораженіе отъ своего собственного оружія,—и онъ можетъ служить образцомъ судебныхъ споровъ въ Аѳинахъ. Есть въ немъ живой интересъ современный, именно въ лицѣ Менелая изображаются низкая клевета и коварные происки Спарты. Относительно самой драмы и героя ея цѣль спора—внѣшнимъ образомъ засвидѣтельствовать возстановленіе достоинства героя и защищать его отъ неразумнаго озлобленія враговъ его. Тевкръ насмѣшливо и презрительно относится къ хвастливому и коварному Менелаю, съ достоинствомъ отвѣчаетъ надменному своею властью Агамемнону. Разгоряченныхъ и вза-

М. Григорьевский. По

РАЗБОРЫ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ОБРАЗЦОВЪ.

Сказка о рыбацкѣ и рыбкѣ—Пушкина.

Сказка о рыбацкѣ и рыбкѣ написана *силлабическими* стихами. Размѣръ этотъ, какъ извѣстно, основывается единственно на количествѣ слоговъ, не разбирая того, долгіе это, или короткіе слоги. Каждый стихъ въ сказкѣ Пушкина заключаетъ въ себѣ по 9-ти и 10-ти слоговъ; стихи—безъ рیمъ. Этимъ размѣромъ писалъ стихи у насъ Кантемиръ, только у него они большею частію — рیمованные.

Сказка о рыбацкѣ и рыбкѣ, въ различныхъ вариантахъ, Богъ знаетъ съ какихъ временъ, ходитъ почти по всей Руси, передаваясь народомъ изъ устъ въ уста; слѣдовательно, по идеѣ, или по главному содержанію, она есть произведеніе народное, а не сочиненіе Пушкина. Пушкинъ изложилъ только ее въ стройной, простой, но тѣмъ не менѣе прекрасной формѣ. Въ своихъ сочиненіяхъ Пушкинъ съ особенною любовію воспоминаетъ о своей старушкѣ-нянѣ (Родионовнѣ), которую, по его словамъ, онъ, между прочимъ, особенно любилъ за то, что она во время дѣтства его, рассказывала ему много народныхъ сказокъ. По всей вѣроятности, отъ нея-то въ первый разъ Пушкинъ услыхалъ и сказку о рыбацкѣ и рыбкѣ.

Дѣйствующихъ лицъ въ этой сказкѣ—три: старикъ—рыбакъ, старуха—жена его и золотая рыбка. Про старика и старуху сказка рассказываетъ, что они жили у самаго синяго моря, что старикъ 33 года ловилъ рыбу, а старуха занималась пряжею; жили они въ крайней бѣдности. О золотой рыбкѣ сказка говоритъ, что она, говорила по-человѣчески, какимъ-то волшебнымъ образомъ исполняла все, чего ни просилъ у нея старикъ по приказанію старухи: она сначала доставила имъ новое корыто, потомъ новую избу, потомъ барскія хоромы, при чемъ и старуху сдѣлала столбовою дворянкою; потомъ дала ей и царскій теремъ и старуху сдѣлала царицей. Наконецъ, когда старуха захотѣла еще быть владычицей морской, чтобъ жить ей въ окіяні-морѣ, чтобъ рыбка сама ей служила, то волшебница-рыбка хотѣла у нея все, что дала-было ей прежде, и оставила старика со старухой въ прежней нищетѣ.

Вотъ все содержаніе сказки о рыбацкѣ и рыбкѣ. Что же, правда ли все это, что здѣсь говорится? Можетъ ли рыбка говорить человѣческимъ языкомъ? Можетъ ли на самомъ дѣлѣ рыбка быть такою волшебницею, чтобы могла давать человѣку все, чего бы онъ ни попросилъ? Разумѣется, не можетъ. Стало-быть, что же такое сказка? Небылица въ лицахъ? Да, если понимать въ ней все буквально, т. е. подъ каждымъ словомъ ее разумѣть только то, что оно прямо значить, на примѣръ—подъ рыбкою—рыбку въ собственномъ смыслѣ. Но зачѣмъ же всѣ народы такъ дорожатъ своими сказками, что передаютъ ихъ изъ рода въ родъ чрезъ цѣлыя тысячи лѣтъ? Зачѣмъ и такіе умные люди, какъ писатели, обрабатываютъ ихъ и печатаютъ?

У насъ есть поговорка: «отъ басни и сказки недалеко до были». Постараемся разъяснить себѣ смыслъ ея. Смыслъ здѣсь тотъ, что съ перваго раза всякая сказка, дѣйствительно, представляется намъ пустою небылицею въ лицахъ, и кажется, что она способна только возбу-

дать въ насъ праздный смѣхъ, на что отчасти указываетъ самое названіе ея. Но когда мы станемъ вникать во всякую сказку поглубже, то непременно найдемъ въ ней много такого, что бываетъ на самомъ дѣлѣ, или въ мірѣ, въ которомъ мы живемъ, или въ жизни человѣческой. Стало-быть, во всякой сказкѣ подъ вымышленной небылицей всегда скрывается что-нибудь такое, что есть на самомъ дѣлѣ — и вотъ первая причина, почему сказка уже не есть пустая болтовня, составляемая и рассказываемая только въ часы бездѣлья, съ единственною цѣлю — убить какъ-нибудь время и посмѣшить праздную публику. Далѣе, всѣ народы, которыхъ такъ много на землѣ, живутъ различно. Въ народныхъ сказкахъ, на ряду съ вымысломъ, каждый народъ обрисовываетъ свой древній образъ жизни (народныя сказки у каждаго народа получили свое начало въ доисторическую эпоху его существованія), свои особыя вѣрованія, часто пустыя и несбыточныя, свой характеръ, свои понятія, свои особыя заветныя мечты и желанія, — и высказываетъ все это своимъ особеннымъ, свойственнымъ ему только, а не другому какому-нибудь народу, языкомъ: вотъ другая причина, почему всѣ народы дорожатъ своими сказками, какъ роднымъ достояніемъ.

Спрашивается, какую же быль можемъ мы найти въ сказкѣ о рыбацѣ и рыбкѣ?

— Подъ вымышленнымъ *старикомъ-рыбакомъ*, очевидно, здѣсь надобно разумѣть всякаго скромнаго, добраго и простодушнаго человѣка, довольнаго своею участью, въ какомъ бы положеніи онъ ни былъ поставленъ, богатымъ, или бѣднымъ. У старика только и было, что ветхая землянка, разбитое корыто, да, можетъ-быть, еще что-нибудь изъ домашняго скарба, — и однако-жь, когда рыбка предложила ему такой богатый выкупъ за себя, какой только онъ пожелаетъ, старикъ ничего не взявъ съ нея, а такъ отпустилъ ее въ море гулять на просторѣ.

Богъ съ тобою, золотая рыбка!
 Твоего мнѣ откупа не надо;
 Ступай себѣ въ синее море,
 Гуляй себѣ тамъ на просторѣ.

Стало-быть, какъ ни бѣденъ былъ старикъ, а все же онъ вполне былъ доволенъ своимъ состояніемъ. И какая безыскусственная, глубокая доброта и ласка дышитъ въ этомъ немногословномъ отвѣтѣ старика! Такіе самодовольные и добрые люди бываютъ счастливѣе самыхъ первыхъ счастливицевъ міра; они проводятъ самую безмятежную жизнь и спокойно умираютъ, оставляя по себѣ одну только добрую память, потому-что, кромѣ добра, не способны никому сдѣлать никакой обиды. Примѣръ старика въ сказкѣ, очевидно, есть хорошій примѣръ, который она представляетъ намъ для подражанія. Въ его характерѣ мы могли бы указать одну только черту, незаслуживающую одобренія—это слабость характера, которая проявляется въ томъ, что онъ какъ будто боится своей глупой старухи и во всемъ ея слушается. Но и въ этой слабости его можно обвинять развѣ только въ началѣ разсказа, пока старуха не сдѣлалась дворянкой и царицей; а тамъ ужъ она распоряжалась такимъ образомъ:

Не пойдешь, поведутъ поневолѣ.

Подъ старухою въ сказкѣ надобно разумѣть всякаго недалекаго по уму невѣжду, человѣка сварливаго, капризнаго и ничѣмъ недовольнаго. Характеръ старухи—совершенная противоположность характеру старика. Главныя страсти старухи—корысть и глупое тщеславіе, т. е. глупое желаніе всеѣмъ незаслуженно, съ нарушеніемъ всякой справедливости и всѣхъ приличій, становиться выше и выше того, чѣмъ она есть.

Не хочу быть столбовою дворянкой,
 А хочу быть вольною царицей!
 Испугался старикъ, взмолился:
 Что ты, баба, бѣлены объѣлась?
 Ни ступить, ни молвить не умѣешь—
 Насмѣшишь ты цѣлое царство!

Особенное вниманіе надо здѣсь обратить на то обстоятельство, какъ растутъ, или разгораются глупыя желанія въ старухѣ. Сначала она желаетъ только новаго корыта—желаніе скромное. Затѣмъ она желаетъ новой избы—шагъ къ желанію большаго довольно значительный, но все еще довольно скромный. Затѣмъ она уже вдругъ желаетъ изъ простой крестьянки сдѣлаться столобовою дворянкою, т. е. желаетъ имѣть и барскія хоромы, и множество слугъ, которыхъ рано и поздно, безъ всякой причины, просто только для потѣхи, могла бы за *чупрунъ таскать*: шагъ въ желаніи большаго—поразительный. Далѣе, старуха желаетъ уже быть вольною (самостоятельною, независимою) царицей со всею обстановкою царской; этого желанія самъ старикъ-мужъ ея просто испугался. Стало-быть, здѣсь переходъ отъ одного желанія къ другому—большему есть уже прямо страшный переходъ. Чѣмъ же кончается дѣло? Отъ неумѣренныхъ желаній, а еще болѣе отъ необыкновенной удачи въ исполненіи ихъ, и умные люди какъ бы невольно глупѣютъ, или дурѣютъ, а старуха, и безъ того довольно глупая, здѣсь представляется уже совершенно безразсудною. Последнее желаніе ея есть уже чисто желаніе сьумасшедшей,—она желаетъ чего-то дикаго, совершенно невозможнаго: быть владычицей морской и жить въ окіанѣ-морѣ, гдѣ человѣкъ и жить-то не можетъ! На это последнее желаніе рыбка уже ничего не отвѣчала, а просто-на-просто взяла да и огняла у старухи все, что подарила было ей, и оставила ее въ прежней нищетѣ. И ничего лучшаго не могла сдѣлать въ этомъ случаѣ рыбка: старуха окончательно не могла совладѣть съ своимъ счастіемъ, все болѣе и болѣе забывалась—слугъ ни-за-что, ни-про-что за чупрунъ таскала, старику и рыбкѣ покоя не давала; такъ и надобно было какъ-нибудь унять ее отъ всего этого, надобно было по прежнему сдѣлать ее нищею, а тамъ волею-или-неволею она должна была сдѣлаться поскромнѣе и, хоть сколько-нибудь, поумнѣе. Примѣръ старухи въ сказкѣ, очевидно, дурной примѣръ, заслуживающій осмѣянія и порицанія.

Кого же наконецъ въ этой сказкѣ надобно разумѣть подъ *золотую рыбку*?

Отдаленные предки наши, во времена язычества, въ самомъ дѣлѣ вѣрили, что на свѣтѣ есть и разныя волшебныя рыбки, и разные колдуны и чародѣи, и заколдованные клады, которые стерегутся нечистыми силами и пр. и пр. Отсюда-то и произошли первоначально всѣ сказочныя небылицы, похожія на волшебную золотую рыбку. Другой простолюдинъ нашъ, по невѣжеству и простотѣ своей, пожалуй, и нынѣ не прочь вѣрить многому кое-чему такому; но для насъ это ужъ слишкомъ давняя старина, чтобы мы могли въ чемъ-нибудь повѣрить ей. Для насъ, повторяемъ, всѣ сказочныя небылицы интересны не потому, чтобы мы вѣрили имъ, а потому, что мы знаемъ, что подъ этими небылицами кроется всегда что-нибудь такое, что есть на самомъ дѣлѣ. Итакъ, что же бы мы могли найти похожаго на дѣйствительную жизнь въ сказочной золотой рыбкѣ?

Въ образѣ рыбки и въ ея непонятныхъ волшебныхъ дѣйствіяхъ со старухою сказка, очевидно, хотѣла въ лицахъ представить намъ тотъ нерѣдкій случай изъ дѣйствительной жизни, по которому иногда и самые глупые люди (совсѣмъ незаслуженно) пользуются такимъ счастьемъ, какого и во снѣ не увидать самому разумному человѣку. Однакожъ это странно: откуда же берется это непонятное счастье? Кто же и по какимъ причинамъ устраиваетъ его?

Такая ужъ *судьба* всякому человѣку, сказалъ бы нашъ русскій крестьянинъ, а иногда, пожалуй, и такой человѣкъ, который—немного повыше его по образованію. «Одному человѣку,» обыкновенно говоритъ нашъ народъ, «*судьба*—мать, а другому *мачиха*» Но что же это такое—*судьба*?

Подъ *судьбою* древніе языческіе народы, подобно какъ и наши предки во времена язычества, разумѣли ка-

кое-то недовѣдомое высшее божество, которое совершенно произвольно опредѣляетъ каждому человѣку свою особенную участь на землѣ, — и ужъ этого предвѣчнаго опредѣленія судьбы никто и ничто ни предотвратить, ни измѣнить не можетъ — «Съ судьбою,» обыкновенно говорили древніе, «и боги не воюють.» Въ подобную судьбу нынѣ вѣрують магометане, съ тою только разницею, что они поставляютъ ее въ непосредственной зависимости отъ истиннаго Бога. Прежде, чѣмъ родится человѣкъ на свѣтъ Божій, Богъ уже заранѣе въ своей книгѣ судебъ предначертываетъ ему всю его жизнь, опредѣляетъ ему такую или другую участь, и ужъ этого опредѣленія, также-какъ у язычниковъ, никто и ничѣмъ ни избѣжать, ни измѣнить не можетъ. *) Очевидно, что такое понятіе о *судьбѣ* представляетъ человѣка какою-то жалкою подвижною машиною, осужденною на одно какое-нибудь неизмѣнное движеніе, имѣющее привести его къ одному извѣстному концу, какъ бы ни желалъ онъ и ни старался избѣжать его, какъ бы ни желалъ онъ притти къ другой какой-нибудь цѣли. Есть, наконецъ, и у насъ — христіанъ *судьба*, только мы понимаемъ ее совершенно иначе. Мы подъ *судьбою* разумѣемъ также распоряженіе Божіе всѣми обстоятельствами жизни человѣка на землѣ, и особенно окончательное опредѣленіе Божіе объ участи его въ жизни загробной; но только такое распоряженіе и опредѣленіе, которое, во всякомъ случаѣ,

*) Вотъ понятіе древнихъ Грековъ о судьбѣ:

Пусть веселый взоръ счастливыхъ

Зрѣть въ богахъ боговъ правдивыхъ;

Судъ ихъ часто слыхъ бывалъ:

Сколько бодрѣетъ жизнь поблѣдъ!

Сколько низкиа роки шадитъ!

Иль великаго Патрокла:

Живъ презрительный Терситъ. Жукъ. (Тор. побѣд. изъ Шиллера.

Славянская — изысканная судьба, сколько можно судить о ней по нашимъ стариннымъ сказкамъ, отличается отъ судьбы древнихъ тѣмъ, что здѣсь она часто представляется не лишевною уча и въ извѣстной степени правдивости. Эта черта видна и въ разбираемой нами сказкѣ, и въ сказкахъ, напримѣръ, о говеніяхъ мачихи на педчерицу, о богачѣ и бѣдномъ и др.

основывается на душевныхъ свойствахъ и нравственно-свободныхъ дѣйствіяхъ самого человѣка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на неизреченной любви Божіей къ нему, какъ къ лучшему своему земному созданію. При такой *судьбѣ* и свобода человѣка остается неприкосновенною, въ полной своей силѣ, и правда и любовь Божія къ намъ открывается предъ нами въ полномъ своемъ свѣтѣ. При такой *судьбѣ* устройство ея, очевидно, прежде всего зависитъ отъ самого человѣка.

Такимъ образомъ для нашихъ предковъ—язычниковъ сказочная рыбка представляла въ своихъ дѣйствіяхъ со старухою какую-то непонятную *судьбу*, произвольно распоряжающуюся всѣми дѣлами людскими на землѣ; намъ она можетъ только напоминать собою именно тотъ нерѣдкій случай изъ дѣйствительной жизни, по которому глупые и злые люди часто пользуются здѣсь счастьемъ, тогда какъ умные и добрые нерѣдко переносятъ несчастія.

Но мы же вѣримъ, что всѣми случаями жизни нашей распоряжается Богъ,—а подобные факты, по-видимому, прямо противорѣчатъ правдѣ Божіей: какъ же бы мы теперь могли объяснить себѣ ихъ съ христіанской точки зрѣнія?

При отвѣтѣ на этотъ вопросъ мы прежде всего замѣтимъ: то, что мы на землѣ называемъ счастьемъ или несчастьемъ, по Евангельскому ученію, не есть положительное и безусловное счастье или несчастье; такимъ счастьемъ или несчастьемъ оно называется только послѣднюю, окончательную участь человѣка въ жизни загробной, гдѣ счастье или несчастье уже не есть только кажущееся и временное, а истинное и вѣчное. Между-тѣмъ большая часть людей ищутъ не столько этого истиннаго счастья, сколько именно условнаго, временнаго счастья на землѣ. Многіе съ такимъ постоянствомъ добиваются этого счастья, что Богъ, по своимъ премудрымъ цѣлямъ, находитъ иногда полезнымъ допускать нѣкоторыхъ людей испытать это счастье, хотя бы они вовсе не заслуживали его, и хотя бы

оно могло принести имъ временный вредъ. А счастье съ своими обожателями и алчными искателями его дѣлаетъ большею частію то же самое, что сдѣлало оно со старухою въ сказкѣ, т. е. доводитъ ихъ до крайности. Вотъ тогда-то Богъ, не желающій никогда конечной гибели человѣку, и низводитъ этихъ неразумныхъ искателей счастья въ нищету и униженіе передъ людьми, чтобы они опомнились наконецъ, а затѣмъ поняли бы, что большое земное счастье не благо для нихъ, а зло. Собственно говоря, счастье земное само-по-себѣ не есть зло, а скорѣе его надобно назвать добромъ; но рѣдко кто изъ людей умѣетъ пользоваться имъ, какъ слѣдуетъ: рѣдко кто, при большомъ счастьи избѣжитъ гордости, спѣси и чванства, какія мы видимъ въ старухѣ; рѣдко кто не сдѣлается прихотливымъ и роскошнымъ, какъ старуха; рѣдко, наконецъ, кто при большомъ счастьи не пожелаетъ еще большаго и не будетъ стремиться къ нему всѣми возможными, законными и незаконными, средствами. Вотъ почему земное счастье дѣлается большею частію зломъ для насъ.

Уяснивши себѣ, по возможности, смыслъ сказочнаго разсказа, чтобы лучше ознакомиться съ этимъ (какъ и съ каждымъ) сочиненіемъ, мы должны еще обратить вниманіе на порядокъ, въ которомъ передается намъ все сочиненіе,—должны узнать въ немъ всѣ особыя части, изъ которыхъ оно составляется.

Въ сказкѣ о рыбацѣ и рыбкѣ ясно различаются три части: первая разсказываетъ намъ о томъ, гдѣ и какъ жили старикъ со старухою до самаго того времени, когда старикъ поймалъ золотую рыбку, которая предложила ему богатый выкупъ за себя. Съ этого времени начинается очень важная перемѣна въ жизни стариковъ; выкупъ, предложенный рыбкою, составляетъ собою завязку, на которой держится весь дальнѣйшій сказочный разсказъ. Вторая (самая большая) часть сказки заключаетъ въ себѣ разсказъ о

томъ, какъ старуха постепенно переходила отъ одного желанія къ другому, до того самаго времени, какъ она пожелала наконецъ быть владычицей морской. Затѣмъ послѣдняя часть сказки заключаетъ уже въ себѣ развязку всѣхъ сказочныхъ происшествій, и вмѣстѣ составляетъ собою заключеніе всей сказки. Эта часть содержитъ въ себѣ рассказъ о томъ, какъ старуха—царица возвратилась къ своему первоначальному состоянію—къ ветхой землянкѣ и разбитому корыту. Очевидно, всѣ эти части сказки неразрывно связываются между собою по внутреннему ходу дѣла. Старуха, жена рыбака, была глупа и очень жадна до всего, чѣмъ обольщаются люди на свѣтѣ. Въ лицѣ рыбки представился ей случай—сдѣлать полное удовлетвореніе своей страсти. Вотъ она естественно съ жадностію и бросилась на этотъ случай до такой степени, что окончательно забылась, что желаетъ совершенно невозможнаго, что ея желаніе безумное, сумасбродное. Не даромъ же и старикъ сказалъ ей: «что ты, баба, обѣлены обѣлась?» И дѣйствительно, слѣдствіемъ всѣхъ безумныхъ желаній, которыхъ она достигла, было то, что она въ высоты почестей и богатства пала въ крайнее униженіе и посрамленіе. А не бываетъ ли того же и въ дѣйствительной жизни? Такъ проста по своему содержанію, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ необыкновенно стройна и вѣрна по внутреннему развитію своему сказка о рыбацкѣ и рыбкѣ. И какое, дѣйствительно, глубокое нравственное значеніе кроется подъ ея самымъ, по-видимому, незатѣйливымъ, небольшимъ и коротенькимъ рассказомъ! Вотъ въ этомъ-то и заключается высокое достоинство всѣхъ истинно-художественныхъ произведеній.

Наконецъ, въ каждомъ сочиненіи, большомъ и маленькомъ, непременно должна быть одна, какая-нибудь главная мысль,—всѣ другія должны только раскрывать и объяснять ее; иначе сочиненіе не имѣло бы въ себѣ ничего опредѣленнаго, было бы безсвязнымъ и пустымъ наборомъ словъ и мыслей. Какая же главная мысль раскрывается въ сказкѣ о рыбацкѣ и рыбкѣ?

Главное дѣйствующее лицо въ этой сказкѣ—старуха, а потому въ ея судьбѣ и должны мы искать главной мысли сказки. Соображая весь рассказъ о ней, мы должны будемъ прийти къ слѣдующей общей мысли: люди чрезвычайно склонны къ желаніямъ большаго, и этимъ желаніямъ ихъ нѣтъ конца; чѣмъ больше приобрѣтаютъ они, тѣмъ большаго желаютъ, пока наконецъ, чрезъ эти же самыя безразсудныя желанія свои, не теряютъ всего того, что прежде имѣли. Лучше быть скромнымъ, самодовольнымъ старикомъ, чѣмъ, прихотливою и тщеславною старухою. Вотъ эта одна общая мысль и раскрывается во всей сказкѣ.

Частный разборъ нѣкоторыхъ словъ и выраженій въ сказкѣ.

«У самаго *синяго* моря...» То же море въ другомъ мѣстѣ сказки называется *чернымъ* (почернѣло сине море). Цвѣтъ моря всегда зависитъ отъ цвѣта небесъ, которыя въ немъ отражаются.

«Отпусти ты, *старче*, меня въ море»... *Старче*—славян. звательный падежъ. Въ нашемъ языкѣ употребляются и другія слова въ такой же формѣ: Боже, Господи, Владыко милостывый и пр.

«Ступай *себѣ*... гулай... *себѣ*. Возвратное мѣстоименіе—*себѣ*—употребляется у насъ при всѣхъ глаголахъ, когда пужно выразить, что предметъ только этимъ дѣйствіемъ и занять, или долженъ быть занятъ. «Ступай *себѣ*, гулай *себѣ*»—только и знай, что ступай и гулай.

«Не посмѣлъ я взять съ нея выкупъ»... Старикъ не взялъ выкупа съ рыбки единственно по добротѣ своей и потому, что считалъ его лишнимъ для себя; а здѣсь онъ лжетъ, вѣроятно, для избѣжанія брани отъ старухи, характеръ которой ему хорошо былъ извѣстенъ.

«Съ дубовыми тесовыми вороты»... *Вороты*—славян. твор. падежъ множ. числа, съ русскимъ однакожь *полногласіемъ*. Чистая славян. форма была бы—*враты*.

«На чемъ свѣтъ стоитъ, мужа ругаетъ»... *Свѣтъ*—земля, на которой мы живемъ. Здѣсь опускается одна мысль: старуха такъ сильно ругаетъ своего мужа, что чуть земля не тронется отъ этого въ основаніи, на которомъ стоитъ. Очевидно, что дѣло здѣсь слишкомъ преувеличивается; такое преувеличеніе составляетъ особую фигуру въ нашей рѣчи, извѣстную въ наукѣ подъ именемъ *иперболы*. Цѣль употребленія такой фигуры въ рѣчи—придать мысли и выраженію особенную силу и выразительность.

«Хочу быть столбовою дворянкой»... Слова—*дворянинъ* и *дворянка* произошли отъ слова—*дворъ*, которымъ встарину обозначалась совокупность всѣхъ слугъ, жившихъ при барскомъ дворѣ и называвшихся поэтому *дворовыми людьми*. *Столбовою дворянкой*... Есть дворяне *столбовые* и *личные*. Первые имѣли право держать крѣпостныхъ людей и передавать свое дворянство дѣтямъ; *личный* дворянинъ только самъ пользуется дворянскимъ почетомъ, а правъ столбоваго дворянина не имѣетъ. Нынѣ столбовые дворяне отличаются отъ личныхъ однимъ только правомъ—передавать свое дворянство дѣтямъ. Слово—*столбовой*—произошло отъ старинныхъ разрядныхъ книгъ, гдѣ записывались роды потомственныхъ дворянъ, въ видѣ столбцовъ.

«Въ дорогой собольей душегрѣйкѣ»... старинная русская женская одежда, родъ коротенькой кофты. «Парчевая на маковкѣ кичка»... старинный дамскій головной уборъ, который и нынѣ можно видѣть въ деревняхъ и селахъ.

«На ногахъ красные сапожки»... старинныя русскія боярыни носили легкіе сафьянныя разноцвѣтные сапоги.

«По дѣломъ тебѣ»—славян. форма дательн. падежа, множ. числа, вмѣсто русской—по дѣламъ.

«Такъ *воемъ* и воють»... Твор. падежъ—*воемъ*—прибавляется здѣсь единственно для усиленія понятія. Такихъ выраженій много можно найти въ нашемъ языкѣ: «и изъ гостей домой пришла свинья-свиньей» и пр.

«Глядь, вмѣсто глянулъ, или взглянулъ. Подобными междометіями, образующимися изъ неразвитыхъ глагольныхъ корней, мы замѣняемъ глаголы, когда хотимъ выразить мгновенность дѣйствія.

Выше мы говорили, что въ сказкахъ каждый народъ описываетъ свой образъ жизни, свои особія вѣрованія и желанія; теперь что же изъ всего этого стариннаго русскаго мы могли бы найти въ разобранной сказкѣ?

Въ отношеніи вѣрованія—изъ нея мы узнаемъ, что древній Русскій народъ, какъ и другіе первобытные народы, вѣруютъ въ чудесныя явленія въ мірѣ, что видно изъ разсказа о рыбкѣ. Изъ другихъ сказокъ узнаемъ, что Русскіе вѣрятъ, на примѣръ, въ колдуновъ (людей, имѣющихъ особія сношенія съ нечистыми силами), въ предвѣщанія птицъ и другихъ животныхъ, въ бытіе разныхъ небывалыхъ существъ, какъ то: лѣшихъ, домовыхъ, русалокъ и т. д.

Здѣсь кстати скажемъ, что когда какой-нибудь сочинитель напишетъ, положимъ, хоть какую-нибудь сказку, и разскажетъ въ ней какія-нибудь чудеса (какъ о рыбкѣ), но такія, однакожь, чудеса, которыя сообразны съ вѣрованіемъ его народа; то все это на ученомъ языкѣ называется *поэтической правдою*, все это, въ смыслѣ сочинительства, признается справедливымъ. Но еслибы кто выдумалъ въ сказкѣ свои особія чудеса, про которыя народъ никогда и не грезилъ, или еслибы смѣшалъ въ русской сказкѣ вѣрованія своего народа съ вѣрованіями другихъ народовъ; то такая сказка была бы пу-

стою и ложною, и она умерла бы въ самомъ своемъ началѣ. Такимъ образомъ *поэтическою правдою* называется не то только, что было или бываетъ на самомъ дѣлѣ, или, по крайней мѣрѣ, что можетъ быть,—но и то чего не было и нѣтъ и что совсѣмъ не можетъ быть, но согласно съ народными вѣрованіями. Этой правдѣ противоплагается *правда историческая*, отъ которой требуется, чтобы она разказывала только то, что дѣйствительно было, и такъ именно, какъ было.

Въ отношеніи старинной русской жизни въ сказкѣ о рыбацѣ и рыбкѣ мы находимъ слѣдующія частныя черты.

Бѣдные люди живутъ въ *землянкахъ*. Землянка—это хижина, вырытая въ землѣ, съ земляными стѣнами, верхъ которой покрывается хворостомъ и соломой. Въ нашихъ селахъ и деревняхъ и теперь можно найти много такихъ жилищъ.

Въ домашней жизни русскія простонародныя женщины занимаются *пряжей*. Это занятіе и нынѣ остается господствующимъ въ быту нашихъ крестьянъ.

Именитые русскіе бояре строили себѣ *терема*—большіе, высокіе, изукрашенные внутри дома со свѣтелками на верху, въ которыхъ большею частію жили боярскія дочери. Очень обыкновенною принадлежностію такихъ теремовъ были *косящетыя* окна, стекла которыхъ были раскрашены разноцвѣтными косичками.

Дубовыя ворота составляютъ замѣтельную принадлежность богатаго дома. Дубовые столы, лавки и скамейки считались самою роскошною мебелью у нашихъ предковъ. Сами цари наши имѣли именно такую незатѣливую и довольно однообразную мебель, въ чемъ можно удостовѣриться, взглянувъ на теремъ Царя Алексѣя Михайловича въ Москвѣ, сохраняющійся и донинѣ въ своемъ первобытномъ видѣ.

Изъ старинныхъ русскихъ женскихъ нарядовъ упоминается здѣсь о душегрѣйкѣ, кичкѣ и сафьянныхъ красныхъ сапогахъ. Красный цвѣтъ—любимый, нарядный и самый роскошный цвѣтъ по вкусу русскихъ людей. Самымъ роскошнымъ лакомствомъ старинныхъ русскихъ боярынь и боярышень представляется здѣсь *печатный пряникъ*—лакомство чисто въ русскомъ старинномъ неизбалованномъ вкусѣ, недалеко ушедшее отъ того, о которомъ въ анекдотѣ мечталъ хохоль, желавшій быть царемъ для того именно, чтобы ѣсть сало, сколько душъ угодно.

Подбѣжали бояре и дворяне,

Стрика въ зашеи затолкали;

А въ дверяхъ-то стража подбѣжала,

Топорами чуть не изрубила.

Дѣйствіе очень обыкновенное и какъ бы законное для всего стараго русскаго человѣчества. Чего въ старину не бывало!

IV.

Свинья—басня Крылова.

Свинья на барскій дворъ когда-то затесалась,
Вокругъ конюшенъ тамъ и кухонъ наслонялась и пр.

Въ баснѣ главная мысль ея высказывается большею частію самимъ сочинителемъ, или въ началѣ, или въ концѣ басни; не высказывается же въ тѣхъ только случаяхъ, когда она и безъ того очень понятна для всякаго. Въ баснѣ Крылова—Свинья—эта мысль высказана въ концѣ ея: «не дай Богъ никого сравненіемъ мнѣ обидѣть! Но какъ же критика Хавроньей не назвать»? и пр. Чтобы понять смыслъ этой басни, надобно прежде получше уяснить себѣ слово—*критикъ*

Критикъ и *критика*—слова греческія, происходящія отъ греч. глагола—*κρίνω*—сужу. *Критикою* называется разборъ всякаго сочиненія, въ которомъ оно *обсуживается*, какъ въ цѣломъ, такъ и во всѣхъ частяхъ его, какъ по мыслямъ, или чувствамъ, такъ и по выраженію ихъ, въ которомъ наконецъ указываются какъ достоинства сочиненія, такъ и недостатки его, и произносится общій окончательный *судъ* надъ нимъ. *Критикомъ* называется то лицо, которое дѣлаетъ этотъ разборъ и произноситъ свой судъ надъ сочиненіемъ. Стало-быть, главную мысль этой басни можно будетъ пересказать хоть такъ: тотъ, кто при разборѣ чужихъ сочиненій, помимо достоинствъ ихъ, способенъ замѣчать въ нихъ одни только недостатки, и, въ слѣдствіе этого, дѣлать постоянно одинъ только худой отзывъ о нихъ, похожъ на свинью. А какъ же именно онъ похожъ на нее?—вотъ разъясненіемъ этого вопроса и занимается басня.

Авторъ для предположенной цѣли ведетъ разсказъ объ одной свиньѣ, которой удалось побывать на барскомъ дворѣ. Свинья проходила мимо барскаго дома, можетъ-быть, очень и очень красиваго — какъ по наружности, такъ еще болѣе по внутреннему убранству; но для свиньи никакая красота не существуетъ, и потому она не заохотѣла даже взглянуть на него. Единственною приманкою ея тамъ былъ задній дворъ, гдѣ стояли кухни и конюшни, гдѣ поэтому непременно должны были быть помои, навозъ и всякаго рода грязь и соръ. Вотъ тутъ-то только и могла погулять непрошенная гостя, сколько душенькѣ ея было угодно. Далѣе авторъ вводитъ въ разсказъ пастуха этой свиньи, только-что возвратившейся съ барскаго двора. Пастухъ этотъ самъ никогда не бывалъ въ барскихъ домахъ, но о богатствѣ и красотѣ ихъ слышалъ множество чудесныхъ разсказовъ. Онъ думалъ, что Хавронья теперь такъ подробно и хорошо разскажетъ ему обо всѣхъ этихъ чудесахъ, что все равно, какъ если бы и самъ онъ посмотрѣлъ на нихъ. Однакожь, сверхъ чаянія, на этотъ разъ онъ жестоко ошибся въ своемъ расчетѣ, — Хавронья только и могла отвѣтить ему на его вопросъ:

Ну, право, порють вздоръ.

Я не примѣтила богатства никакого:

Все только лишь навозъ да соръ.

Соображая главную мысль басни съ этимъ разсказомъ ея, мы должны заключить, что подъ *барскимъ дворомъ* авторъ разумѣлъ здѣсь сочиненіе, очень хорошее въ цѣломъ, но не чуждое недостатковъ въ частностяхъ, какъ это бываетъ почти во всякомъ сочиненіи. Красивый барскій домъ и передній дворъ — это достоинства сочиненія, а задній дворъ съ соромъ и навозомъ — это его недостатки. Въ лицѣ свиньи, какъ сказано, онъ хотѣлъ представить критика, способнаго видѣть во всякомъ сочиненіи одно только дурное и не умѣющаго, или не желающаго замѣчать въ немъ ничего хорошаго. Въ лицѣ пастуха, вѣроятно, авторъ хотѣлъ изобразить такого че-

ловѣка, который самъ не читалъ сочиненія, о которомъ тутъ идетъ рѣчь, но слышалъ о немъ много хорошаго. Такой человѣкъ обыкновенно съ жадностью хватается за печатную критику на хваленое сочиненіе и часто также жестоко ошибается, когда думаетъ и здѣсь встрѣтить подробный разборъ его и необыкновенныя похвалы ему. Критикъ, похожій на героиню басни, тоже коротко и ясно скажетъ ему, что здѣсь «все только лишь навозъ да соръ... богатства никакого». Тутъ эта мысль не хороша, тамъ это чувство приторно, а здѣсь такое-то выраженіе никуда не годится и т. д.

Изъ полного состава этой басни видно, что въ ней можно различить три особыхъ части. Въ первой разсказывается о путешествіи свиньи на барскій дворъ. Вторая часть ея содержитъ въ себѣ вопросъ настуха и отвѣтъ свиньи на него. Наконецъ третья часть ея излагаетъ уже главную мысль, которую сочинитель имѣлъ въ виду раскрыть въ баснѣ.

Критика необходима для литературы. Она одна можетъ давать надлежащее направленіе ей; она осмѣиваетъ дурныя сочиненія и чрезъ то удерживаетъ отъ печати много другихъ подобныхъ сочиненій; она поддерживаетъ и воодушевляетъ писателей съ истинными талантами, помогая имъ освобождаться отъ тѣхъ недостатковъ, которые неизбѣжны почти для каждаго писателя. Но для достиженія всѣхъ такихъ высокихъ цѣлей критика должна быть въ высшей степени умна и правдива. По своимъ познаніямъ и по природному вкусу ко всему великому и прекрасному, критикъ долженъ стоять гораздо выше людей современнаго ему общества; онъ долженъ быть свободенъ отъ всякаго ложнаго направленія, отъ всякаго увлеченія личностію писателей, т. е. у него не должно быть никакихъ ни любимыхъ, ни нелюбимыхъ писателей. Правдивую критику можетъ быть названа тогда только, когда она до возможной наглядности представляетъ намъ—какъ всѣ недостатки, такъ и всѣ достоинства или

красоты сочиненія, не скрывая ничего ни изъ тѣхъ, ни изъ другихъ. Поэтому критикъ больше всего долженъ быть свободенъ отъ крайностей, отнюдь не долженъ держаться такого правила: хвалить—такъ хвалить, ругать—такъ ругать. Въ первомъ случаѣ онъ можетъ привести къ самособольщенію и надменности самаго посредственнаго и ограниченнаго писателя, а во второмъ убить самаго талантливаго. Вотъ противъ послѣдняго-то направленія и вооружается съ такимъ негодованіемъ Крыловъ въ разбираемой нами баснѣ.

Ч а с т н ы й р а з б о р ъ н ѣ к о т о р ы х ъ с л о в ъ и в ы р а ж е н і й в ъ б а с н ѣ.

«Свинья на барскій дворъ когда-то затесалась»..
Затесаться—слово простонародное, и его едвали можно услышать когда-нибудь въ барской гостиной; но Крыловъ любитъ пользоваться народнымъ языкомъ, и надобно сказать, что онъ въ высшей степени мастерски имъ пользуется. *Затесаться* значитъ силою и съ нахальствомъ ворваться куда-нибудь, куда вовсе не просили и никакъ не желали ворвавагося. *Свинья... затесалась*—это, можно сказать, не выраженіе, а художественная картина. Говорятъ, что лучшія художественныя произведенія всякаго народа не переводимы на другой языкъ. Это не то значить, чтобы совсѣмъ нельзя было переводить мыслей ихъ на какой-нибудь чужой языкъ, а то, что въ переводѣ нельзя передать всѣхъ тѣхъ красотъ въ выраженіяхъ, какія есть въ подлинникѣ. Нагляднымъ доказательствомъ этого можетъ послужить для насъ разбираемое выраженіе: «Свинья на барскій дворъ когда-то затесалась.» Если бы кто-нибудь сталъ переводить ее на Французскій, или Нѣмецкій языкъ, то, за неимѣніемъ равносильнаго и однозначущаго слова съ *затесаться*, онъ по необходимости долженъ бы былъ выразиться хоть такъ: свинья когда-то съ нахальствомъ взошла на барскій дворъ.

Мысль здѣсь была бы выражена, положимъ, та же самая, по здѣсь не было бы ужь той картины, какая есть въ подлинникѣ.

«Вокругъ конюшенъ тамъ и кухонъ *наслонялась*.» *Слоняться* значить ходить туда и сюда, какъ попало, большею частію безъ всякой цѣли. Выраженіе тоже довольно картинное въ приложеніи къ свиньѣ. Такою же картинностію и характеристичностію отличаются и всѣ слѣдующія затѣмъ выраженія о свиньѣ: «въ сору, въ навозѣ извалялась... въ помояхъ по уши досыта накупалась» и пр.

«Пришла свинья-свиньей...» слово это повторяется для усиленія понятія, т. е. пришла такою грязною свиньей, какой только свойственно ей быть, и какую только когда-нибудь она бываетъ.

«Ну, право, порютъ вздоръ...» Частица—*ну*—въ нашемъ языкѣ способна бываетъ иногда составлять собою сказуемое, и тогда она обыкновенно замѣняетъ собою глаголы—*стать, начать*: «и новые друзья *ну* обниматься, *ну* цѣловаться.» Главное же назначеніе ея въ рѣчи—выражать *побужденіе* къ какому-нибудь дѣлу: «*ну*, тащися, Сивка... *ну*, пошелъ же ради Бога...»—а также усиливать *убѣжденіе* въ чемъ-нибудь. Здѣсь употреблена она въ послѣднемъ значеніи: *ну право...* значить—самую точную правду скажу тебѣ. *Вздоромъ* называются пустыя слова, въ которыхъ нѣтъ ничего справедливаго, или даже сообразнаго съ здравымъ смысломъ. *Поротъ* буквально значить съ большимъ или меньшимъ трескомъ раздирать, или разлагать что-нибудь на части. Но слова мы употребляемъ двояко: въ собственномъ—буквальномъ, или въ несобственномъ переносномъ значеніи. Такъ мы говоримъ иногда о человѣкѣ, что онъ *улыбается*: ему свойственно улыбаться, и потому здѣсь это слово будетъ употреблено въ собственномъ значеніи. Но мы говоримъ также иногда и о природѣ, что она *улыбается*; здѣсь, конечно, это слово будетъ употреблено ужь въ несоб-

ственномъ значеніи. Улыбка въ человѣкѣ есть выраженіе въ лицѣ его пріятнаго, веселаго чувства; а природа чувствовать не можетъ, слѣдовательно и улыбаться въ буквальный смыслъ не можетъ. Но тѣмъ не менѣе въ тепло или холодъ, въ ведро или ненастье, она по временамъ способна принимать то печальный, то веселый видъ. Вотъ въ послѣднемъ-то случаѣ, по нѣкоторому сходству веселаго вида природы съ видомъ улыбающагося человѣка, мы и е природѣ говоримъ, что она *улыбается*. Такое же значеніе имѣютъ и всѣ наши переносныя выраженія, т. е. они переносятъ названія однихъ предметовъ или дѣйствій на другіе, совершенно разнородные, по какому-нибудь сходству между тѣми и другими. Въ наукѣ такія выраженія называются *тропами*. *Поротъ вздоръ* тоже будетъ выраженіе переносное; буквально оно будетъ значить—съ особеннымъ увлеченіемъ и шумомъ сообщать что-нибудь дикое, небывалое, вообще несообразное съ истиною. Сказать: *говоритъ вздоръ* и *поротъ вздоръ*—будетъ не одно и тоже. *Говоритъ вздоръ* значитъ спокойно передавать что-нибудь пустое, а *поротъ вздоръ* значитъ дѣлать то же самое съ особеннымъ воодушевленіемъ и трескомъ. Стало-быть, вотъ для чего и нужны переносныя выраженія: они придаютъ мысли особенную силу и живописность.

К. Говоровъ.
